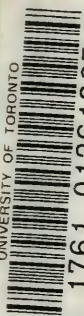

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 01261235 4

Юрій Никольскій.

ГУРГЕНЕВЪ
И
ДОСТОЕВСКІЙ.

(ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВРАЖДЫ).

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

СОФІЯ — 1921.

Nikol'sky, Yuri

(*Юрій Никольскій.*)

ТУРГЕНЕВЪ

Turgenev и *Dostoyevsky*

ДОСТОЕВСКІЙ.

(ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВРАЖДЫ).

521932

4. S. S1

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

СОФІЯ — 1921.

ПРИДВОРНАЯ ТИПОГРАФІЯ, АКЦІОНЕРН. О-ВО.
СОФІЯ — 1920.

Тургеневъ и Достоевскій.

Вопросъ объ отношеніяхъ Тургенева и Достоевскаго привлекалъ вниманіе изслѣдователей. Имъ занимались Орестъ Миллеръ, Pavlovsky, Ив. Ивановъ. Больше другихъ Гутьяръ. (Попытку характеристики обоихъ писателей „въ формѣ сравненія“ находимъ даже въ одной чешской газетѣ). Смыслъ этихъ отношеній понять не былъ. Къ нимъ подходили очень субъективно. Либо слишкомъ довѣрялись Тургеневу и все сваливали на дурной характеръ Достоевскаго, либо давали одни только матеріалы. Я поставилъ своей задачей собрать все извѣстное объ этихъ отношеніяхъ и проникнуть въ ихъ глубокий смыслъ.

I.

Достоевскій, поддержанный Бѣлинскимъ, былъ въ апогеѣ своей славы, когда Тургеневъ вернулся въ Петербургъ. То были сумасшедшіе для него дни. Онъ попалъ въ другой міръ, сразу и другой и высшій. „На дняхъ воротился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты вѣрно слыхалъ) — пишетъ Достоевскій брату — и съ перваго раза привязался ко мнѣ такую дружбою, что Бѣлинскій объясняетъ ее тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня. Но братъ, что это за человѣкъ! Я тоже едва-ль не влюбился въ него. Поэтъ, талантъ, аристократъ, красавецъ, богачъ, уменъ, образованъ, 25 лѣтъ — я не знаю, въ

чемъ природа отказала ему? Наконецъ, характеръ неистощимо прямой, прекрасный, выработанный въ доброй школѣ“. Это было въ ноябрѣ 1845 года. Юношеской двадцатичетырехлѣтней гордостью вѣсть отъ этого письма. Лѣкарскій сынъ изъ бѣдныхъ дворянъ попалъ въ свѣтъ и тамъ встрѣчаетъ красавца-поэта, барина въ полномъ смыслѣ этого слова, который къ тому же дружить съ нимъ, такъ что можно даже сказать влюбленъ. Соціальная разница уже дана, но она то именно очаровываетъ, художественно прельщаетъ (этотъ художественный культъ русскаго барства Достоевскій опишетъ послѣ въ *Идиотъ*). Конечно, тутъ уже преувеличеніе, когда Достоевскій пишетъ, что сообщенная имъ какая либо идея — Тургеневу, напримѣръ — становится извѣстна во всѣхъ углахъ Петербурга. Однако, — онъ тратится на похорошѣвшихъ Минушекъ, Кларушекъ, Маріаннъ, и Тургеневъ съ Бѣлинскимъ впрахъ бранятъ его за беспорядочную жизнь: „эти господа ужъ и не знаютъ какъ любить меня, влюблены въ меня всѣ до одного“. Жизнь берется въ иномъ масштабѣ, всѣ линіи преувеличены свыше мѣры, глаза художника — будто двѣ лупы. Еще бы! Самъ Николай I заинтересовался Бѣдными Людьми, — должно быть черезъ зятя своего Максимилиана Лейхтенбергскаго, почетнаго предсѣдателя Академіи Художествъ, члена Академіи Наукъ. Повѣсть читалась при дворѣ. Читалась, когда сановники относились къ родной литературѣ свысока. Яркимъ талантомъ восторгались всѣ, герой же не могъ снести вѣнца своего генія. Въ кучкѣ столпившихся вокругъ него людей онъ чувствуетъ уже міръ, пришедшій къ нему поклониться, а безконечно нѣжная и совсѣмъ не раскрывшаяся еще душа жаждетъ личнаго вниманія, заботливости, ласки. Въ наши дни Кнутъ Гамсунъ *) восхи-

*) Въ своемъ *Путешествіи по Россіи*.

тился тѣмъ, какъ геніально выступилъ Достоевскій на своемъ поприщѣ, съ какимъ безстрашнымъ самоутвержденіемъ. Планы толпятся у него въ головѣ, ощущение своей мощи необыкновенно, все кругомъ — подтверждаетъ мечту. Литераторъ-современникъ (Панаевъ) разсказалъ объ этомъ триумфальномъ шествіи: „его мы носили на рукахъ по городскимъ стогнамъ и, показывая публикѣ, кричали: „Вотъ только что народившійся маленькій геній, который со временемъ убьетъ своими произведеніями всю настоящую и прошедшую литературу. Кланяйтесь ему! Кланяйтесь!“ Объ немъ мы протрубили вездѣ, и на площадяхъ, и въ салонахъ. Одна барышня съ пушистыми бублями и съ блестящимъ именемъ, бѣлокурая и стройная, пожелала его видѣть и нашъ кумирчикъ былъ поднесенъ къ ней . . . Барышня изящно пошевелила своими губками и хотѣла отпустить нашему кумирчику прелестный комплиментъ, какъ вдругъ онъ поблѣднѣлъ и зашатался. Его вынесли въ заднюю комнату и облили одеколономъ. Онъ очнулся, но уже больше не выходилъ въ салонъ“

Это описаніе напечатано въ 60-хъ годахъ, въ самомъ началѣ. Писавшій не думалъ, какъ пророчески оправдаются его слова о геніальности „кумирчика“! Достоевскій его не опровергъ. Очевидно, случай на балу былъ. Имъ то объясняются сохранившіеся шуточные стихи Тургенева и Некрасова:

Посланіе Бѣлинскаго къ Достоевскому.

Витязь горестной фигуры
Достоевскій милый пыщъ,
На носу литературы
Рдѣешь ты, какъ новый прыщъ.

Хоть ты новый литераторъ,
Но въ восторгъ ужъ всѣхъ повергъ:
Тебя хвалить Императоръ,
Уважаетъ Лейхтенбергъ,
За тобой султанъ турецкій
Скоро вышлетъ визирей.
Но когда на раутъ свѣтскій
Передъ сонмище князей,
Ставши миѳомъ и вопросомъ,
Паль чухонскою звѣздой
И моргнулъ курносый носомъ
Передъ русой красотой,
Такъ трагически недвижно
Ты смотрѣлъ на сей предметъ,
Что чуть-чуть скоропостижно
Не погибъ во цвѣтѣ лѣтъ.
Съ высоты такой завидной,
Слухъ къ мольбѣ моей склоня,
Брось свой взоръ пепеловидный,
Брось, великій, на меня.

Въ февралѣ 1846 г. Достоевскій жаловался брату: „свои, наши, Бѣлинскій и всѣ мною недовольны за Голядкина“. Объ этомъ недовольствѣ Двойникомъ говорится и въ стихахъ, что указываетъ на ихъ болѣе позднее написаніе:

Ради будущихъ хвалений
(Крайность, видишь, велика)
Изъ неизданныхъ твореній
Удѣли не „Двойника“.
Буду няньчиться съ тобою,
Поступлю я, какъ подлець,
Обведу тебя каймою,
Помѣщу тебя въ конецъ *).

*) Въ первоначальной редакціи: во 2-мъ стихѣ вм. „милый“ — „юный“, въ 5 мѣ вм. „юный“ — „новый“, въ 22-мъ вм. „слухъ“ — „взоръ“. Драгомановъ, опубликовавшій документъ, не вѣрно полагаетъ, что кайма относится къ Двойнику. У Полонскаго въ двухъ, приводимыхъ имъ строфахъ — первоначальная редакція и кромѣ того: „тебя хвалить Императоръ“ и „ты аскочилъ какъ“, а не „рѣдешь ты какъ...“ Въ

Достоевскій потребовалъ, чтобы *Бѣдные Люди* были напечатаны особымъ шрифтомъ и помѣщены въ началѣ или концѣ книги, обведенные какимъ либо типографскимъ знакомъ — золотымъ бордюромъ, или каймой (этотъ жестъ тоже обольстилъ Гамсуна). Вѣроятно, слухи о каймѣ сильно преувеличены, но о ней упоминаютъ Анненковъ, Панаевъ и Григоровичъ. Много лѣтъ спустя, несмотря на всѣ возраженія, Анненкевъ, *ссылаясь на Тургенева*, пишетъ Стасюлевичу: „я самъ видѣлъ первые экземпляры Сборника съ рамками. Я считаю нужнымъ разъяснить настоящее обстоятельство, подрывающее довѣренность и къ другимъ свидѣтельствамъ моей статьи. Можетъ быть, что злосчастной рамкой надѣлены были только первые экземпляры Петер. Сборника и опущена она въ послѣдующихъ экземплярахъ, какъ смѣшная выдумка, оскорбляющая всѣхъ прочихъ авторовъ“.

„Н. Врем.“ (3 мая 1880) — указаніе, что стихотвореніе печаталось въ *Соврем.* 50-хъ г. г. и „въ отдѣльномъ изданіи фельетонъ новаго поэта, появившемся въ 1860 г.“. (Очевидно Панаева, автора воспоминаній обморока на балу). Приписывается оно Некрасову и Панаеву, а не Тургеневу. Головачева-Панаева — источникъ вообще чрезвычайно сомнительный (на что указывалъ А. Ѳ. Кони) передаетъ, что существовали еще другіе тургеневскіе стихи, гдѣ Дѣвушкинъ благодарить своего создателя за то, что онъ повѣдалъ міру о его существованіи. Вообще острый на языкъ Тургеневъ зло высмѣивалъ „милаго пыща“, т. ч. Бѣлинскій сказалъ ему однажды: зачѣмъ спорить съ большимъ человѣкомъ. Публично Тургеневъ однажды при Достоевскомъ будто бы разказалъ, намекая на него, объ одной смѣшной личности, встрѣченной имъ въ провинціи и возомнившей о себѣ. Изъ той-же области разказъ Павловскаго (Isaak Pavlovsky), записанный со словъ Тургенева очень поздно и потому не заслуживающій довѣрія.

Pavlovsky разказываетъ:

Однажды у Тургенева собрались гости: Бѣлинскій, Огаревъ, Ге, ценъ и другіе. Играли въ карты. Кто-то сказалъ какую-то глупость какъ разъ въ то время, когда входилъ Достоевскій. Поднялся страшный хохотъ. Достоевскій, блѣдный, остановился на порогѣ и затѣмъ, не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты. Когда потомъ Тургеневъ спросилъ камердинера о Федорѣ Михайловичѣ, тотъ отвѣтилъ: они уже часъ какъ гуляютъ по двору безъ шапки.

Былъ лютый холодъ (froid de loup). Тургеневъ выскочилъ на дворъ.

— Что съ вами, Достоевскій?

— Боже мой, это невозможно! Куда я не приду, вездѣ надо мной смѣются. Къ несчастью я видѣлъ съ порога, какъ вы засмѣялись, увидавши меня. И вы не краснѣете?

Несмотря на всѣ увѣренія Тургенева, что ни у кого и нѣ мысляхъ не было надъ нимъ смѣяться, Достоевскій ничего не хотѣлъ слушать и, взявъ шапку, удалился.

Нужно сказать, что въ Петербургскомъ Сборникѣ *Бѣдные Люди* напечатаны, хотя и первыми, но рѣшительно *безъ* всякихъ рамокъ. Анненкову просто, вѣроятно, примерещилось. Заявленіе 18-го Мая 1880 г. въ *Новомъ Времени* исчерпывало споръ: „*О. М. Достоевскій, находясь въ Старой Русѣ, гдѣ онъ лечится, проситъ насъ заявить, что ничего подобнаго тому, что рассказано въ Вѣстникѣ Европы П. В. Анненковымъ насчетъ каймы не было и не могло быть.* Между тѣмъ Тургеневъ упорно распространялъ слухи о каймѣ до и послѣ опроверженія. Леонтьевъ говоритъ въ 1888 г., что Тургеневъ сказалъ ему, предостерегая, въ то время, когда Достоевскій былъ на каторгѣ: „Такимъ молодымъ людямъ, какъ вы, изъ личнаго достоинства не надо при первыхъ успѣхахъ давать волю своему самолюбію. Вотъ какъ, напримѣръ, случилось съ этимъ *несчастливымъ* Достоевскимъ. Когда отдавалъ свою повѣсть Бѣлинскому для изданія, такъ увлекся до того, что сказалъ ему: „знаете мою то повѣсть надо бы какимъ нибудь бордюрикомъ обвести“. Зачѣмъ же дѣлать себя смѣшнымъ“. Въ 1879 г. и 1881 Тургеневъ снова касается каймы. Эти воспоминанія достовѣрны. Первое — записано тотчасъ же послѣ разказа, 27 мая 1879 (опубликовано въ 1887 г.); имени Достоевскаго нѣтъ („является къ Бѣлинскому молодой человѣкъ“...), — передъ нами добросовѣстно переданный анекдотъ, не привязанный къ извѣстному лицу. Второе воспоминаніе — Полонскаго, который съ особливою бережностью передавалъ всѣ касающіеся Тургенева факты. Къ сожалѣнію, легенда о каймѣ или рассказывалась Тургеневымъ, или записывалась его знакомыми уже послѣ его ссоры съ Достоевскимъ и ею она могла быть окрашена въ соотвѣтствующую краску.

Въ тургеневской эпиграммѣ — добродушное высмѣиваніе: „Достоевскій *милый* пыщъ“. Но Полонскій правъ,

что забывъ самый фактъ — Достоевскій, при своей болѣзненной мнительности, могъ сохранить безсознательное и глухое сѣмя вражды. Письма Достоевскаго къ брату начала 40-хъ годовъ полны самомнѣнія и молодой заносчивости. Стоитъ вспомнить, чѣмъ былъ тогда уже Гоголь и сопоставить выраженіе Достоевскаго: „Гоголь менѣе глубоко, чѣмъ я“ (его только что стали упрекать въ подражаніи Гоголю). Успѣхъ спадалъ понемногу, а Достоевскій не вѣрилъ этому. *Романъ въ девяти письмахъ* читался у Тургенева, *Двойникъ* — у Бѣлинскаго. Тургеневъ былъ на вечерѣ, прослушалъ половину, похвалилъ и уѣхалъ, очень куда то спѣшилъ; хвалилъ введенное Достоевскимъ впервые слово *стусевался*. Съ *Двойника* началось охлажденіе къ Достоевскому Бѣлинскаго и его друзей, въ томъ числѣ, повидимому, Тургенева („удѣли не Двойника“*). Въ неограниченномъ самолюбіи и честолюбіи чистосердечно сознается Достоевскій брату. Оба порока укрѣпились, какъ противодѣйствіе падавшей волнѣ славы. Надо думать — именно самолюбіе отталкивало Тургенева. Въ острый моментъ, во время и послѣ ссоры, оба будутъ искать сѣмена вражды еще въ этомъ, первомъ періодѣ. „Я и раньше не любилъ этого человѣка лично“ — скажетъ Достоевскій, забывая о своемъ восхищеніи.

*) О *Бѣдныхъ Людяхъ* Бѣлинскій писалъ Анненкову: „романъ начинающаго таланта . . . открываетъ такія тайны жизни и характеръ на Руси, которыя до него и не снились никому“. О *Хозяйкъ* (1847, 1848 г.): „повѣсть до того пошла, глупа и бездарна“ . . . „ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавши немного Гоголя. Онъ и еще кое-что написалъ послѣ того, каждое его новое произведеніе — новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о *Бѣдныхъ Людяхъ*. Я трепещу при мысли перечитать ихъ, такъ легко читаются они“. Григоровичъ въ воспоминаніяхъ (записаны больше, чѣмъ черезъ 40 лѣтъ, могутъ быть ошибочными) рассказываетъ, что произошелъ разрывъ между Достоевскимъ и Тургеневымъ. Достоевскій защищалъ своего любимца Гоголя, а также и себя (отъ упрековъ въ подражаніи Гоголю) и сказалъ, что онъ всѣхъ своихъ противниковъ современемъ „въ грязь затопчетъ“.

Тургеневъ будетъ писать: „онъ возненавидѣлъ меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничѣмъ на заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ, самыя сильныя и продолжительныя“. Все это мало убѣдительно, т. к. говорится послѣ ссоры. И однако, даже отвергая мало достовѣрныя воспоминанія о тургеневскихъ насмѣшкахъ (мало достовѣрныя, потому что они записаны людьми, не заслуживающими довѣрія и притомъ много спустя), придется все-таки признать, что Тургеневъ какъ то обидѣлъ Достоевскаго (можетъ-быть стихами), задѣлъ хотя и болѣзненную, но глубокую струну. Случилось это не очень сознательно и всплыло потомъ. Достоевскій продолжалъ увлекаться Тургеневымъ, какъ писателемъ. Въ 1848 г. вышли *Бѣлыя Ночи* съ эпитафюмъ изъ тургеневскаго стихотворенія *Цвѣтокъ*, напечатаннаго въ *Отечественныхъ Запискахъ* еще въ 1843 г.:

„Иль былъ онъ созданъ для того,
Чтобы побыть хотя мгновеніе
Въ сосѣдствѣ сердца твоего.

Ив. Тургеневъ. *)

*) ЦВѢТОКЪ.

Тебѣ случалось въ роцѣ темной
Въ травѣ весенней молодой,
Найти цвѣтокъ простой и скромный?
(Ты былъ одинъ-въ странѣ чужой).
Онъ ждетъ тебя въ травѣ росистой,
Онъ одиноко расцвѣталъ...
И для тебя свой запахъ чистый,
Свой первый запахъ сберегалъ.
И ты срываешь стебель гибкій,
Въ петлицу бережной рукой
Вдѣлаешь, съ медленной улыбкой,
Цвѣтокъ, погубленный тобой.
И вотъ идешь дорогой пыльной,
Кругомъ — все поле сожжено,
Струится съ неба жарь обильный,
А твой цвѣтокъ завялъ давно.

Сидя уже въ крѣпости (въ 1847 г.), Достоевскій съ жалостью пишетъ о *Холостякъ*: „Комедія Тургенева непозволительно плоха. Что это ему за несчастье? Неужели ему такъ и суждено непремѣнно испортить каждое произведеніе свое, превышающее объемомъ печатный листъ? Я не узналъ его въ этой комедіи. Никакой оригинальности: старая торная дорога. Все это было сказано до него и гораздо лучше его. Послѣдняя сцена отзывается ребяческимъ безсиліемъ. Кое-гдѣ мелькнетъ что-нибудь, но это что-нибудь хорошо только за немѣніемъ лучшаго.“ Всѣ произведенія Тургенева меньше печатнаго листа, — стало быть, нравятся Достоевскому. Еще въ 1845 г. онъ убѣждаетъ брата прочесть *Андрея Колосова*, въ которомъ Тургеневъ вывелъ себя, впрочемъ нечаянно: „не думалъ себя выставлять“. Много лѣтъ спустя Достоевскій отзовется о *Трехъ Портретахъ*, какъ о произведеніи значительномъ. Сюда относятся едва начавшіяся *Записки Охотника* и, вѣроятно, стихи. Въ 1885 г. докторъ, лечившій Достоевскаго, вспоминаетъ, какъ Достоевскій, до каторги, въ семействѣ Майковыхъ, разбиралъ характеры произведеній Тургенева „со свойственнымъ ему атомистическимъ анализомъ“ и умѣлъ дать настолько цѣльные образы, что черезъ нихъ уразумѣвались малѣйшія детали произведенія. Тургенева ставилъ рядомъ съ Лермонтовымъ (послѣ Пушкина и Голя). Майковы тогда были живы. Своимъ молчаніемъ они подтвердили сообщенную маленькую подробность.

Онъ выросталъ въ тѣни спокойной,
Питаясь утреннимъ дождемъ,
И былъ заѣденъ пылью знойной,
Спаленъ полуденнымъ лучомъ.
Такъ что жъ? Напрасно сожалѣніе!
Знать онъ былъ созданъ для того,
Чтобы побыть одно мгновеніе
Въ сосѣдствѣ сердца твоего.

Т. Л (Тургеневъ—Лутовиновъ).

Затѣмъ для Достоевскаго идетъ пятилѣтній періодъ, періодъ катороги.

Какіе выводы можно сдѣлать изъ предыдущаго?

1) Достоевскій очарованъ свѣтомъ и Тургеневымъ — представителемъ свѣтскости. 2) Грандіозныя стремленія Достоевскаго, ощущеніе имъ своего могущества отталкиваютъ Тургенева, которому „милый пыщ“ непріятенъ своимъ самолюбіемъ. 3) Они почувствовали непріязнь другъ къ другу (прикоснувшись къ чему то глубокому и важному), но не осознали ее. 4) Достоевскій преклоняется передъ Тургеневымъ художникомъ.

II.

„Помню, что выйдя, въ 1854 году, въ Сибири изъ острога, я началъ перечитывать всю написанную безъ меня за пять лѣтъ литературу. (*Записки Охотника*, едва при мнѣ начавшіяся, и первыя повѣсти Тургенева я прочелъ тогда разомъ, залпомъ и вынесъ упоительное впечатлѣніе. Правда, тогда надо мною сіяло степное солнце, начиналась весна, а съ ней совсѣмъ новая жизнь, конецъ каторги, свобода!“). Въ крѣпости — послѣднее впечатлѣніе отъ воли — былъ Тургеневъ, теперь, въ мѣсяцы воскресенія — тоже самое. И такое же доброе отношеніе къ художнику. Въ 1856 г. Достоевскій писалъ Майкову: „За нынѣшній годъ я почти ничего не читалъ. Скажу вамъ и свои наблюденія: Тургеневъ мнѣ нравится наиболѣе, — жаль только, что при огромномъ талантѣ въ немъ много невыдержанности“. Весной 1859 г. — брату — „Тургеневу за его *Дворянское Гнѣздо* (я, наконецъ, прочелъ чрезвычайно хорошо!), самъ Катковъ, у котораго я прошу 1000 руб. съ листа, давалъ 4000 рублей, т. е. по 400 рублей съ листа. Другъ мой! Я очень хорошо знаю,

что я пишу хуже Тургенева, но вѣдь не слишкомъ же хуже и, наконецъ, я надѣюсь писать совсѣмъ не хуже. За что же я то съ моими нуждами беру только 100 руб., а Тургеневъ, у котораго 2000 душъ, по 400.“ Снова встаетъ и уязвляетъ разница социальная, а съ ней вмѣстѣ и социальная несправедливость (у Тургенева 2000 душъ, нѣтъ такихъ нуждъ, какъ у Достоевскаго). Разныя чувства испытывалъ онъ передъ аристократизмомъ Тургенева. Мы видѣли, что онъ увлекся сначала этой его чертой, онъ, писавшій потомъ апологію дворянства. Любимая эта черточка во время ссоры покажется ему уже генеральствомъ! Всегдашнее приниженіе передъ Тургеневымъ оскорбляло въ немъ чувство масштаба (смутно сознаваемую справедливость) и несоотвѣтствовало его представлениямъ о себѣ.

Они встрѣтились въ Петербургѣ въ самомъ концѣ 1859 г.

9 Апрѣля 1860 г. Литературный Фондъ ставитъ съ благотворительной цѣлью *Ревизора*. Достоевскій играетъ Шпекина, Тургеневъ (вмѣстѣ съ Краевскимъ, Майковымъ и Дружининымъ) одного изъ купцовъ. Съ 1861 г. братья Достоевскіе издають журналъ *Время*. Отношеніе Федора Михайловича съ Тургеневымъ объ эту пору — это отношеніе двухъ литераторовъ, живо осуждающихъ волнующія ихъ писательскій мірокъ новости. Это не художники, не гении, вглядывающіеся своей интуиціей въ сокровенныя глубины бытія. Два человекъ 60-хъ годовъ, умные и тонкіе на языкъ, встрѣчаются въ психологической плоскости. Расхожденія есть, но они несерьезны и теоретичны. Больная и неуравновѣшенная психика Достоевскаго сказывалась на его полемическихъ писаніяхъ и задѣвала тургеневскую деликатность. Но тогда вообще многіе писали грубо и зло, не щадя тончайшихъ душевныхъ струнъ — грубѣе, чѣмъ сейчасъ.

Самое доброе отношеніе Тургенева къ журналу „*Время*“. Тургеневъ просить Достоевскаго не сомнѣваться въ его искреннемъ сочувствіи, жалуется на неправильную высылку журнала и близко къ сердцу принимаетъ его дѣла. Переводчикъ Боденштедтъ не ладить съ *Современникомъ* и онъ пересылаетъ его рукопись въ редакцію журнала *Время*, съ которымъ—пишетъ Тургеневъ — „я въ лучшихъ отношеніяхъ и который, хоть еще молодъ, занялъ прекрасное положеніе въ печати“. Предлагаетъ непринятыя Катковымъ стихи Случевского, повѣсть Марка-Вовчка *Пустяки* (3 листа, 250 р. сер. за листъ). Она — „носитъ на себѣ отпечатокъ ея таланта со всѣми его качествами и недостатками. Вещь хорошая и, я думаю, не лишняя въ вашемъ журналѣ“. Весной 1862 г. Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ, посѣтилъ редакцію *Времени* и засталъ тамъ братьевъ Достоевскихъ и Страхова. Страховъ только что написалъ статью объ *Отцахъ и Дѣтяхъ*. Тургеневъ пригласилъ всю компанію отобѣдать въ гостинницѣ Клея (Европейской). За обѣдомъ—„онъ говорилъ съ большой живостью и прелестью, и главною темою были—отношенія иностранцевъ къ русскимъ, живущимъ за границей. Онъ рассказывалъ съ художественной картинностью, какія хитрыя и подлыя уловки употребляютъ иностранцы, чтобы обирать русскихъ, присвоить себѣ ихъ имущество, добиться завѣщанія въ свою пользу и т. д.“.

Лѣтомъ 1863 г. *Время* было закрыто, по Высочайшему повелѣнію, за статью Страхова по польскому вопросу въ апрѣльской книжкѣ журнала. Тургеневъ очень опечаленъ и пишетъ своему знакомому: „Я эту статью, помнится, пробѣжалъ и не нашелъ въ ней ничего злоуреднаго. Это запрещеніе меня поразило и для Достоевскихъ, у которыхъ оно отняло хлѣбъ, и для правитель-ства, которое не понимаетъ, что оно тѣмъ самымъ бро-

саетъ тѣнь на искренность патріотическихъ заявленій и, наконецъ, для меня, который уже оканчивалъ перепискою *Призраки*. Тургеневъ надѣется, что Достоевскіе „какъ-нибудь помогутъ бѣдѣ“, и думаетъ, что съ ними поступили хуже, чѣмъ съ *Современникомъ*: „видно пора благодушія миновала“. Въ другой разъ тому-же лицу онъ сообщаетъ: „я получилъ отъ Ф. Достоевскаго письмо, онъ очень огорченъ; это запрещеніе для него и для брата его—разореніе и свалилось имъ, какъ кирпичъ на голову“. Достоевскіе возобновляютъ журналъ въ 1864 г. подъ названіемъ *Эпоха* и печатаютъ Тургеневскіе *Призраки*. Вскорѣ затѣмъ умираетъ Михаилъ Достоевскій и Федоръ Михайловичъ одинъ ведетъ журналъ. Приведу отрывки изъ Тургеневскихъ писемъ за 1864, 1865 годы. „Я часто думалъ объ васъ все это время, обо всѣхъ ударахъ, которые васъ поразили—и искренно радуюсь тому, что вы не дали имъ разбить васъ въ конецъ. Боюсь я только за ваше здоровье, какъ-бы оно не пострадало отъ излишнихъ трудовъ“... „Я могу теперь только сочувствовать вамъ, удивляться смѣлости, съ которой вы, въ наше время, боретесь за литературное дѣло—и желать вамъ здоровья и силъ, но больше ничего. Повѣрьте—это не фраза, которую авторъ говоритъ редактору—это сама истина, которую отрезвленный человекъ сообщаетъ уважаемому имъ пріятелю“. Это все тѣ же неизмѣнны обѣщанія Тургенева написать что-нибудь и выраженія сочувствія журналу. „Я совершенно облѣнился и болѣе года пера въ руки не беру. Встряхнусь-ли я, одному Богу извѣстно“. Наконецъ, въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ: „то, что вы говорите о вашей дѣятельности, просто пугаетъ меня, облѣнившагося баденскаго буржуа. Очень сожалею, что здоровье ваше неудовлетворительно: смотрите, не надорвитесь! Возьмите лучше себѣ молодого и дѣятельнаго помощ-

ника по *исполнительной* части. Эта издержка окупится съ лихвой“. Слова „баденскій буржуа“, „пера въ руки не беру“ и самый тонъ, съ которымъ „отрезвленный чело-вѣкъ“ сообщаетъ „истину“ о своей творческой способности—все это пригодится Достоевскому для его будущей каррикатуры (прототипомъ Кармазинова въ *Бѣсахъ*, какъ извѣстно, былъ Тургеневъ). Послѣ *Призраковъ* Тур-генева написалъ въ этотъ періодъ только *Собаку*. Вдохновенное чтеніе этого разсказа, если справедливы воспо-минанія, говоритъ, что онъ не былъ безразличенъ Тур-генева. Но пріятели его осудили, и онъ не рѣшается выступить передъ публикой „съ такимъ вздоромъ“, добивать имъ свой кредитъ. 24 ноября 1864 г. Тургеневъ проситъ Анненкова прислать ему *Эпоху* со статьей Апол-лона Григорьева.

Зорко слѣдитъ Тургеневъ въ письмахъ Федору Ми-хайловичу за литературными и новостями. Жаль, что отвѣты Достоевскаго все еще таятся гдѣ-то подъ спудомъ! Относительно *Минина* Тургеневъ пишетъ, что „неудача Островскаго интереснѣе удачи многихъ дру-гихъ“. Тургеневъ ошибся на этотъ разъ и съ грустью въ этомъ признается. „Новая смѣлая попытка“ — истори-ческая стихотворная драма Островскаго-обманула всѣ его ожиданія. Послѣ (въ 1865 г.) Тургеневъ любопытствуетъ о другой драмѣ Островскаго и новомъ романѣ Толстого. Въ *postscriptum’ѣ* къ первому письму (1861 г.) онъ на-зываетъ стихотвореніе князя Вяземскаго мерзостью. Оно было помѣщено въ августовскомъ *Русскомъ Вѣстникѣ* и посвящено свободѣ воли. Рабъ тотъ, кто мирволить своимъ страстямъ, а Шенье, Карамзинъ, Жуковскій сво-бодны, усмиривъ желаніе духовной волей. Они не уни-зятъ высшихъ нелѣпымъ равенствомъ, но скажутъ стар-шему, что онъ братъ младшаго. Можно думать, что Тур-генева не понравилось это произведеніе не только съ

художественной, а и съ идейной стороны. Въ 1861 г. вышли *Записки изъ Мертваго Дома*. Тургеневу они пришлись по сердцу. „Картина бани просто Дантовская и въ вашихъ характеристикахъ разныхъ лицъ (напр. Петрова) много тонкой и вѣрной психологiи“. Деликатный, „объ одной идеѣ“, Петровъ тронулъ, вѣроятно, Тургенева своей гуманностью. „Парь, застилающій глаза, копотъ, грязь, тѣснота до такой степени, что негдѣ поставить ногу . . . Грязь лилась со всѣхъ сторонъ. Всѣ были въ какомъ то возбужденномъ состоянiи духа“. Вакхизмъ этой сцены напомнилъ Тургеневу самого великаго „инфернальнаго“ поэта. *О Преступленiи и Наказанiи* Тургеневъ, повидимому, ничего не писалъ Достоевскому. Но онъ писалъ о немъ Фету и Борисову, въ 1866 г. — за годъ до ссоры. „Первая часть замѣчательна“ (объ этомъ романѣ, даже послѣ ссоры онъ разъ сказалъ: „страшная вещь“) — „вторая часть опять отдаетъ прѣлымъ самоковырянiемъ“. Онъ его отказался даже было читать: „это что то въ родѣ продолжительной колики; въ холерное время помилуй Богъ“. Если принять, пока на вѣру, детерминизмъ Тургенева, то его отношенiе къ первой части заслуживаетъ вниманiя. Раскольниковъ, совершая преступленiе, находится во власти какихъ то силъ, скажемъ, дьявольскихъ (какъ думаетъ Соня Мармеладова), „Онъ не разсуждалъ и совершенно не могъ разсуждать; но всѣмъ существомъ своимъ вдругъ почувствовалъ, что нѣтъ у него болѣе ни свободы разсудка, ни воли, и что все вдругъ рѣшено окончательно“ . . . „какъ будто его кто то взялъ за руку и потянулъ за собой, неотразимо, слѣпо, съ неестественной силой, безъ возраженiй. Точно онъ попалъ клочкомъ одежды въ колесо машины, и его начало въ нее втягивать“. Его роковое состоянiе вполне соотвѣтствовало тому безнадежному Тургеневскому умонастроенiю, которое при-

близительно въ это же время, развивалось въ *Довольно* (гдѣ говорится о глухонѣмыхъ, независящихъ отъ чело-вѣка силахъ). Правда, здѣсь, какъ и въ сужденіи о стихотвореніи Князя Вяземскаго, могло сыграть роль *какъ*, а не *что*, художественная „форма“, а не идейное содержаніе. Но вѣдь при оцѣнкѣ второй части *Преступленія и Наказанія* говорится тоже о психологическомъ, а не эстетическомъ моментѣ („сомоковыряніе“) и я предполагаю, что „первая часть замѣчательна“ потому, что она близка Тургеневу идеологически.

Я уже касался *Призраковъ*. Ихъ исторія, какъ она отражается на перепискѣ Тургенева съ Достоевскимъ, интересна. Какъ разъ это произведеніе выбралъ Достоевскій для своей пародіи (и оно было помѣщено у него въ журналѣ). Въ концѣ 1861 г. они еще не подвинулись. Но если Тургеневъ будетъ писать, то именно эту вещь, для Достоевскаго; писать ее хочется. Къ началу 1862 г. дѣла пермѣнились и повѣсть можетъ быть окончена въ нѣсколько дней. „Теперь я навѣрное могу сказать, что я привезу вамъ работу готовую. Она не только сильно подвинулась, она приближается къ концу. Въ ней будетъ около трехъ печатныхъ листовъ. Страшная выходитъ штука. Это именно тѣ *Призраки*, изъ которыхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, поднялась у насъ пря съ Катковымъ. Не знаю, помните ли вы это? Я было началъ другую вещь и вдругъ схватился за эту и работалъ нѣсколько дней съ увлеченіемъ. Теперь осталось дописать нѣсколько страницъ“. Тургеневъ обѣщалъ свое исключительное сотрудничество *Современнику*, а еще раньше посулилъ ненаписанные *Призраки* Каткову, изъ за чего и произошла пря, въ которой болѣе правъ былъ редакторъ *Русскаго Вѣстника*.

Когда *Время* стало „Призракомъ“, по выраженію Тургенева, Достоевскій, посѣтившій Тургенева въ Ба-

денѣ и, вѣроятно, взявшій у него займы денегъ (это было въ концѣ 1863 г.), просилъ отложить печатаніе *Призраковъ*, т. к. журналъ ему могутъ еще разрѣшить. *Призраки* не нравились друзьямъ, пришлось отложить печатаніе публикацій, пока не будутъ сдѣланы исправленія. Это произведеніе, неимѣющее, по словамъ Тургенева, „никакого человѣческаго смысла“ (даже эпитафій взять у Фета) напечатано было въ 1 — 2 книгѣ *Эпохи* за 1864 г. Въ предисловіи къ нему говорится, что это не настоящее произведеніе искусства, которое стоитъ на собственныхъ ногахъ, и авторъ проситъ „не искать въ прилагаемой фантазіи никакой аллегоріи или скрытаго значенія, а просто видѣть въ ней рядъ картинъ, связанныхъ довольно поверхностно“. Такъ хитрилъ Тургеневъ*). Но для вѣрнаго друга Анненкова *Призраки* — автобіографія и Тургеневъ вынужденъ признать: „когда у добраго лягаваго пса носъ чутокъ, то ни одинъ теревъ отъ него не укроется, въ какую бы онъ чашу не забился. Теревъ, разумѣется, я“. Достоевскій осыпалъ Тургенева „благодарственными похвальными отзывами“. Брату жаловался: „Съ одной Тургенева повѣстью выходитъ мало“. „Подписка, если бы мы даже теперь съ каждымъ номеромъ выдавали по *Тургеневу* не очень увеличится“. Въ *Искрѣ* (№ 13, 17 Апр.) помѣщена пародія въ стихахъ на *Призраки*, посвященная „Тургеневу, Достоевскому и всѣмъ представителямъ болѣзненной поэзіи“. Тургеневъ летаетъ съ Ерундой вмѣсто Эллисъ, а „Д-ій и Косица“ (Страховъ) грозятся настроичить статью

*) Интересно, что Тургеневъ требовалъ отъ Фета перемѣнить рифму „ложнымъ — возможнымъ“ и Фетъ было согласился. Тогда и эпитафій къ *Призракамъ* вмѣсто:

„Мигъ еще... и нѣтъ волшебной сказки

И душа опять полна возможнымъ“ — читался бы въ послѣдней строкѣ:

„Разлетѣлись чары майской ночи“.

о томъ, что они „оторвались отъ почвы“. Очевидно, по прочтении этихъ стиховъ, Достоевскій пишетъ брату: „Статью же Тургенева все, что называется массой, не хвалить, а такихъ людей, что песку морского“. Гонораръ въ 300 р. векселемъ Тургеневъ получилъ только черезъ годъ (и въ минуту нужды грустилъ, что у *Эпохи* „кошель слабо набить“). Этимъ и ограничилось сотрудничество Тургенева въ журналахъ братьевъ Достоевскихъ.

* * *

Разсмотримъ отношеніе Достоевскаго къ *Отцамъ и Детьямъ*. Первое упоминаніе о романѣ въ октябрьскомъ письмѣ Тургенева 1861 г., гдѣ онъ говоритъ, что ему приходится помолчать, такъ какъ „новѣйшая современность“ выразилась безобразно, а она то и должна была быть выведена въ главномъ лицѣ. Въ декабрьскомъ письмѣ Тургеневъ боится, что читатели ему скажутъ: изъ за чего хлопоталъ. Ему хотѣлось бы отложить печатанье, „но купецъ настойчиво требуетъ запроданный товаръ—нечего дѣлать, приходится его спускать tel quel“. Въ печати появились разнорѣчивые слухи о томъ, куда отдастъ Тургеневъ свой романъ. Достоевскому приходится выступить съ „письмомъ въ редакцію“ и увѣрять, что романъ отдается не ему. Тургеневъ извинялся за хлопоты*).

*) Тургеневъ пишетъ, чтобы Достоевскій не думалъ, что онъ приписываетъ ему слухъ объ *Отцахъ и Детьяхъ*: „какъ будто нужно искать особаго объясненія всякой сплетнѣ: она царствуетъ на заднихъ дворахъ, гдѣ издаются „Книжные Вѣстники“ и т. д.

Въ *Кн. Вѣст.* сообщалось (№ 14—15 за 1861 г. с. 222), что романъ Тургенева пойдетъ въ 1862 г. въ *Рус. Вѣстникъ* и будетъ называться *Отцы и Дети*; въ другомъ же номерѣ (21) это извѣстіе опровергалось: „какъ мы слышали, по измѣнившимся обстоятельствамъ, романъ этотъ будетъ напечатанъ во *Времени*“.

Въ *Современной Лѣтописи* (№ 50, дек. 1861 г.) напечатано „Литературное Объясненіе“:

„*Русскій Вѣстникъ* служить, какъ кажется, любимымъ пред-

Новый романъ былъ высоко оцѣненъ Достоевскимъ ↙
 Несказанно обрадовалъ Тургенева такой отзывъ: „Тутъ дѣло не въ удовлетвореніи самолюбія, а въ удостовѣреніи, что ты, стало быть, не ошибся и не совсѣмъ промахнулся—и трудъ твой не пропалъ даромъ.— Это было тѣмъ болѣе важно для меня, что люди, которымъ я очень вѣрю, (я не говорю о Колбасинѣ), серьезно совѣтовали мнѣ бросить мою работу въ огонь и еще на дняхъ Писемскій но это между нами писалъ мнѣ, что лицо Базарова совершенно не удалось. — Какъ тутъ прикажете не усумниться и не сбиться съ толку? — Автору трудно почувствовать *тотчасъ*, насколько его мысль воплотилась—и вѣрна ли она—и овладѣлъ ли онъ ею и т. д. Онъ какъ въ лѣсу въ своемъ собственномъ произведеніи. Вы навѣрно сами это испытали не разъ. —

метовъ толковъ въ нашемъ журнальномъ мірѣ. Возникаетъ полемика не только о томъ, что въ немъ печатается, но и о томъ, что въ немъ еще будетъ напечатано. . . Такъ недавно было объявлено заглавіе новаго произведенія г. Тургенева, назначаемаго въ *Русскій Вѣстникъ*. Публика прочла эту новость въ *Книжномъ Вѣстникѣ*. Но *Книжный Вѣстникъ* недолго оставлялъ ее въ заблужденіи: онъ поспѣшилъ извѣстить публику, что обстоятельства перемѣнились и что новое произведеніе г. Тургенева, назначавшееся въ *Русскій Вѣстникъ*, поступитъ въ другой журналъ, а именно *Время*. Редакторъ *Времени* нашелся, послѣ этого вынужденнымъ напечатать во всѣхъ петербургскихъ газетахъ, что это послѣднее извѣстіе несправедливо, что г. Тургеневъ дѣйствительно вызвался помѣстить въ этомъ журналѣ свое новое произведеніе, надъ которымъ онъ теперь трудится, но что онъ, редакторъ *Времени*, ничего не знаетъ о той повѣсти, которую, по словамъ *Книжнаго Вѣстника*, г. Тургеневъ будто бы намѣревался помѣстить въ *Рус. Вѣстникѣ*. Объ этихъ запутанныхъ обстоятельствахъ дошло свѣдѣніе и до самого Тургенева, который находится теперь въ Парижѣ. На этихъ дняхъ мы получили отъ него письмо, которымъ онъ уполномочиваетъ насъ напечатать слѣдующее: „Оканчиваемый мною романъ назначенъ для Русскаго Вѣстника и появится въ этомъ журналѣ“. Часть этого романа находится уже въ нашихъ рукахъ. Мы надѣялись напечатать его въ теченіи этого года; но обстоятельства препятствовали автору занятъ окончательной отдѣлкой своего труда. Теперь, какъ онъ пишетъ намъ, дѣло подходит къ концу, и онъ надѣется выслать все къ новому году, такъ что эта повѣсть г. Тургенева можетъ появиться въ одномъ изъ первыхъ номеровъ *Русскаго Вѣстника*“.

И потому еще разъ спасибо. Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотѣлъ выразить, что я только руки разставлялъ отъ изумленія и удовольствія. Точно вы въ уши мнѣ вошли и почувствовали даже то, что я не счелъ нужнымъ вымолвить. Дай Богъ, чтобы въ этомъ сказалось не одно чуткое проникновеніе мастера, но и простое пониманіе читателя—то есть дай Богъ, чтобы всѣ увидали хотя часть того, что вы увидали! Теперь я спокоенъ насчетъ участи моей повѣсти: она сдѣлала свое дѣло и мнѣ раскаиваться нечего“. Достоевскій, прямо сказать, вникъ въ Тургеневскій романъ. Когда Базаровъ свидѣлся съ Аркадіемъ послѣ дуэли: „Аркадій притихъ, а Базаровъ рассказалъ ему свою дуэль съ Павломъ Петровичемъ“, Авторомъ рассказъ Базарова опускается. „Вотъ вамъ еще доказательство—продолжаетъ Тургеневъ—до чего вы освоились съ этимъ типомъ; въ свиданіи Аркадія съ Базаровымъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ по вашимъ словамъ не достаетъ чего то, Базаровъ, рассказывая о дуэли, трунилъ надъ *рыцарями* и Аркадій слушалъ его съ тайнымъ ужасомъ и т. д. Я выкинулъ это и теперь сожалью. Я вообще много перемарывалъ и передѣлывалъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ отзывовъ, и отъ этого, быть можетъ, и произошла копотливость, которую вы замѣтили“.

Въ это же время изъ писемъ Майкову, Фету и Случевскому мы узнаемъ, что „Базарова совершенно поняли... только два человекъ: Достоевскій и Боткинъ (В. П.)“. Къ нимъ еще можно присоединить Майкова.

Въ Апрѣльскомъ письмѣ 1862 г. Тургеневъ въ послѣдній разъ говоритъ съ Федоромъ Михайловичемъ объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“: „Доходящіе до меня слухи объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ только подтверждаютъ мои ожиданія: кромѣ васъ и Боткина, кажется, никто не потрудился понять, что я хотѣлъ сдѣлать. Гр. Сальясъ, между прочимъ,

упрекаетъ меня, зачѣмъ я не вывелъ взяточниковъ, генераловъ и т. д., чтобъ объяснить Базаровыхъ; какъ будто отрицательное направленіе есть явленіе частное-личное (всѣ извѣстные мнѣ отрицатели происходятъ, какъ нарочно, изъ очень хорошихъ семействъ), и какъ будто, желая показать упадокъ дворянства, я не долженъ былъ взять именно лучшихъ его представителей — въ родѣ братьевъ Кирсановыхъ и т. д. Я уже не говорю объ упрекахъ другого рода и часто противоположныхъ, дѣлаемыхъ Базарову — никто, кажется, не подозрѣваетъ, что я пытался въ немъ представить трагическое лицо, — а всѣ толкуютъ: зачѣмъ онъ такъ дуренъ? или: зачѣмъ онъ такъ хорошъ! Но объ этомъ толковать нечего: если вещь удалась, она выдержитъ всѣ эти нападки и выяснится наконецъ, а не удалась — провалится, какъ нѣчто недосказанное и непонятое — туда и дорога*.

Базаровъ — лицо трагическое. Этого не поняли современники. А между тѣмъ самое зарожденіе его указываетъ на это. Вотъ, какъ рассказалъ о немъ Тургеневъ:

— Я однажды прогуливался и думалъ о смерти. . . Вслѣдъ затѣмъ предо мной возникла картина умирающаго человѣка. Это былъ Базаровъ. Сцена произвела на меня сильное впечатлѣніе и затѣмъ начали развиваться остальные дѣйствующія лица и само дѣйствіе.

Тургеневъ много и часто думалъ о смерти. Эврипидова трагедія — Тургеневъ зналъ ее хорошо — показала ему, какъ за невиннымъ Ипполитомъ приходитъ судьба его — смерть, роковая и неизбѣжная, смыслъ которой понятенъ богамъ и кажется случайностью людямъ. За сильнымъ Базаровымъ, за волевымъ Базаровымъ, пришла та же Мойра, старуха, отъ которой не уйдешь и которую описалъ послѣ Тургеневъ въ своихъ *Senilia*. „Вотъ вокругъ чего вертится все дѣйствіе романа, вотъ главная точка композиціи“! „Типъ“ можетъ быть слагался и рань-

ше, подъ вліяніемъ ли доктора, съ которымъ былъ Тургеневъ на курортѣ, или кого другого, но тутъ онъ получилъ свое мѣсто, сразу дѣлая изъ романа трагедію рока. Приблизился къ подобному пониманію Базарова Страховъ: „Смерть такова — послѣдняя проба жизни, послѣдняя случайность, которой не ожидалъ Базаровъ“. . . Жизнь встревожила его „такими пустяками, заставила его надѣлать такихъ глупостей и погубила вслѣдствіе такой ничтожной причины“. Страховъ потрясенъ смертью Базарова: тѣмъ, какъ онъ до конца не измѣняетъ себѣ — сломанный, но не побѣжденный. Его статья *Время* отозвалось на Тургеневскій романъ. Черезъ годъ Достоевскій писалъ въ *Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ*: „съ какимъ спокойнымъ самодовольствомъ мы отхлестали Тургенева за то, что онъ осмѣлился не успокоиться съ нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять ихъ за свой идеаль, а искалъ чего то получше, чѣмъ мы. . . Ну, и досталось же ему за Базарова, безпокойнаго и тоскующаго Базарова (признакъ великаго сердца), несмотря на весь его нигилизмъ. Даже отхлестали мы его и за Кукушину, за эту прогрессивную вошь, которую вычесалъ Тургеневъ изъ русской дѣйствительности намъ напоказъ, да еще прибавили, что онъ идетъ противъ эмансипаціи женщинъ“. Базаровъ къ чему то стремится, глядитъ въ будущее и недоволенъ. Въ немъ потенція воли. Въ *Бѣсахъ* Степанъ Трофимовичъ говоритъ: „Я не понимаю Тургенева. У него Базаровъ это какое то фиктивное лицо, несуществующее вовсе; они же первые (нигилисты) отвергли его тогда, какъ ни на что непохожее. Этотъ Базаровъ это какая то неясная смѣсь Ноздрева съ Байрономъ“. Раздѣлялъ ли это убѣжденіе Достоевскій? Скорѣе по просту злословилъ.

Время и *Эпоха* прекрасно относятся къ Тургеневу.

Не было статьи Аполлона Григорьева, гдѣ-бы не упоминался Тургеневъ. Въ одной неподписанной статьѣ Достоевскаго—Тургеневъ ставится среди именъ (Пушкина, Лермонтова, Островскаго и Гоголя), „которыя дали намъ право на фактическое участіе въ европейской жизни“. Выступая противъ Добролюбова, Достоевскій называетъ Тургенева самымъ художественнымъ изъ всѣхъ русскихъ писателей. Въ статьѣ „Книжность и Грамотность“ говорится: „время идетъ и послѣдняя точка нашего сознанія достигнута. Рудинъ и Гамлетъ Щигровскаго уѣзда уже не смѣются надъ своею дѣятельностью и своими убѣжденіями: они вѣрують и эта вѣра спасаетъ ихъ. Они только смѣются иногда надъ самими собою, они еще не умѣютъ уважать себя, но они уже почти не эгоисты: Они много, безкорыстно выстрадали. Въ наше время прошли ужъ и Рудины“.

Я не буду останавливаться на печальныхъ недоразумѣніяхъ, которыя происходили между Тургеневымъ и *Современникомъ*, *Современникомъ* и другими журналами. Это началось съ 1861 года. Чернышевскій печатно заявилъ: „Нашъ образъ мыслей прояснился для г. Тургенева настолько, что онъ пересталъ одобрять его. Намъ стало казаться, что послѣднія повѣсти г. Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ-ли? Ссылаемся на самого Тургенева“. А Тургеневъ писалъ по этому поводу Достоевскому (3 октября): „Современникъ плюется и сознательно жлетъ: но вѣдь это не въ первый разъ. У меня письмо отъ Некрасова, писанное въ началѣ этого года, въ которомъ онъ дѣлаетъ самыя блестящія предложенія. Я ему отвѣтилъ, что сотрудникомъ Современника болѣе не буду, ну и выходитъ, что надо сказать, что меня

прогнали. Это все ничтожно и не стоит вниманія. Это останется ничтожнымъ, даже если Добролюбовъ меня совсѣмъ доконаетъ, ибо что такое я, что такое отдѣльное лицо? * Для Тургенева, отвергавшаго роль личности въ исторіи, а кромѣ того не любившаго выдвигаться, послѣднее заключеніе характерно. Но и онъ не выдержалъ, когда въ 1862 г.—исторія повторилась. Пришлось сѣсть за письмо въ редакцію *Сѣверной Пчелы*, въ которомъ выяснить свои отношенія съ Современникомъ и рассказать о письмѣ Некрасова, который „возобновлялъ свои лестныя предложенія и, между прочимъ, доводилъ до моего свѣдѣнія, что видитъ меня почти каждую ночь во снѣ“.

По поводу этихъ строкъ въ библиографической замѣткѣ *Современника* (1—2, 1863) читаемъ слѣдующее: „Повѣрить-ли напримѣръ кто-нибудь, что одинъ литераторъ вдругъ ни съ того, ни съ сего объявилъ недавно въ „Сѣверной Пчелѣ“, что онъ такъ великъ, что его даже во снѣ видитъ другой литераторъ? Что должна думать и чувствовать публика, которую подчуютъ подобными заявленіями? Публика недоумѣваетъ. Она видитъ, что происходитъ нѣчто таинственное и понимаетъ, что по поводу всѣхъ этихъ сновъ можно только предложить себѣ вопросъ: что сей сонъ значить?“

Достоевскій анонимно отвѣчаетъ (въ двухъ статьяхъ) Щедрина, котораго узналъ. „Да это про Тургенева, про извѣстное заявленіе Тургенева, напечатанное въ „Сѣверной Пчелѣ“ прошедшей осенью! А другой то литераторъ, который видѣлъ сны, это разумѣется г. Некрасовъ. Все вѣдь это теперь заявлено официально, слѣдовательно, можно назвать имена. А вѣдь однако вы и тутъ покривили, молодой человекъ. Вѣдь Тургеневъ вовсе не заявлялъ, „что онъ такъ великъ“, какъ вы утверждаете и что поэтому его и видятъ во снѣ, да вовсе и въ мы-

сляхъ этого не имѣлъ, и ошибиться ужъ тутъ никакъ нельзя было. Исторія эта слишкомъ извѣстная: человѣка приглашаютъ въ журналъ, боятся, что потеряли его сотрудничество, заискиваютъ въ немъ, для чего и пишутъ ему чувствительныя письма, напоминая о прежней дружбѣ и о томъ, что даже теперь его видятъ во снѣ; и только что человѣкъ не подался на чувствительность, не повѣрилъ и отказался отъ журнала, — начинаютъ распространять и писать въ журналѣ, что его чуть не выгнали, потому что не согласны съ его направлениемъ. Нѣтъ ужъ согласитесь сами, тутъ ужъ не только сны, тутъ ужъ и на-яву то было другое. Покривили, покривили душою, молодой человѣкъ! Вѣдь вы все это знали и зазнамо иначе выставили, а вѣдь это ужъ не совсѣмъ честно въ литературномъ отношеніи разумѣется... вы напрасно думаете, что г. Тургеневъ ужъ такъ обидѣлъ г. Некрасова, напечатавъ о его ежедневныхъ снахъ: видѣтъ во снѣ отсутствующаго друга — фактъ по нашему очень похвальный, котораго стыдиться нечего, если онъ искрененъ и если на-яву все продолжалось точно также, какъ и во снѣ. Но г. Тургеневъ доказываетъ, что не такъ продолжалось, а для этого и напечаталъ это письмо. Конечно, можетъ быть и лучше бы было совсѣмъ не печатать объ этихъ письмахъ: вѣдь г. Некрасовъ и въ самомъ дѣлѣ, да еще очень могъ видѣтъ извѣстнаго человѣка во снѣ и даже съ самою безкорыстною цѣлью. Но вѣдь что же прикажете дѣлать, когда на-яву то совсѣмъ напротивъ было. Вѣдь тутъ терпѣнье потерять можно“. Въ слѣдующей статьѣ (тоже неподписанной), *Опять молодое перо*, Достоевскій вспоминаетъ: “ вы упомянули о Тургеневѣ, что будто бы онъ недавно объявилъ въ газетахъ, что онъ, Тургеневъ, *такъ великъ*, что другіе литераторы видятъ его во снѣ. Въ статьѣ моей „Молодое Перо“ я избличилъ васъ и указалъ вамъ, что Тургеневъ нигдѣ и

никогда не упомянулъ о томъ, что его видятъ другіе писатели во снѣ *собственно потому, что онъ такъ великъ*. Не только буквально, но даже и *смысла такого* никакъ нельзя придать его обличительному письму на г. Некрасова. Я вывелъ на чистую воду, что слова эти и смыслъ этотъ прибавили вы сами отъ себя. Да поймите же наконецъ: тутъ дѣло вовсе не о Тургеневѣ, какъ писателѣ, т. е. нравится онъ вамъ или не нравится, ретроградъ или прогрессистъ? Тутъ дѣло просто о томъ, что взвели на человѣка, да еще отсутствующаго, вредную ему неправду; вы придали ему слова, совершенно выдуманная вами, которыхъ онъ *никогда не говорилъ* и никогда и не думалъ говорить. А слѣдственно вы придавали ему смѣшныя и презрѣнныя черты характера, которыя сами въ немъ выдумали и тѣмъ самымъ умышленно старались повредить ему лично въ общемъ мнѣніи изъ интересовъ редакціи „Современника“ . . . Вспомните, что этотъ же самый „Современникъ“ былъ совершенно изобличенъ Тургеневымъ въ явной несправедливости противъ него, обнародованнымъ письмомъ г. Некрасова въ „Сѣверной Пчелѣ“. Зная все это очень хорошо, вы все—таки рѣшились стать за „Современникъ“. На мой взглядъ это въ высшей степени нехорошо. Но клянусь вамъ торжественно, что я совершенно былъ и буду убѣжденъ, что вы сдѣлали это некрасивое дѣяніе не изъ грубаго какою нибудь личнаго интереса“.

Въ этой же статьѣ на бессмысленные стишки Щедрина о Косицѣ — Страховѣ и Достоевскихъ Федоръ Михайловичъ сочиняетъ: „Вѣкъ и Вѣкъ и Левъ Камбекъ“ (потомъ вошло въ Бѣсы) и еще такіе:

„Ро-ро-ро, ро-ро-, ро-ро
Молодое перо
Усь-усь, усь-усь-усь
Ахъ какой же это гусь“.

Тургеневъ получилъ *Время* съ этими стихками и написалъ своему знакомому: „Вы меня просто манною питаете, хотя иногда эта манна производитъ легкія корчи („Ро... ро... ро... Молодое перо“ и т. п.)“. Когда журналъ закрыли: „Жаль, жаль *Времени*, несмотря на ро... ро... ро... и на усь... усь... усь...“ Формы полемики Достоевскаго не нравились мягкому Тургеневу. А между тѣмъ это изъ за него поднялась столь злобная полемика двухъ большихъ людей, вписавшая мрачную страницу въ исторію русской журналистики. Литературныя отношенія первой половины 60-хъ годовъ вполнѣ доброжелательны, но не касаются самаго глубокаго.

Слѣдуетъ запомнить: 1) Жалобу Достоевскаго, что онъ со своими нуждами и со своимъ дарованіемъ получаетъ меньшій гонораръ, чѣмъ *помыщикъ* Тургеневъ. 2) Стихотвореніе Князя Вяземскаго о свободѣ воли Тургеневу не нравится, а первая часть *Преступленія и Наказанія* съ ея детерминизмомъ—нравится (можно объяснять идеологическими симпатіями). 3) Въ *Отцахъ и Дѣтяхъ* Тургеневъ представилъ трагедію рока и побѣду его даже надъ волевою личностью, Достоевскій же, по видимому, оцѣнилъ только волевые устремленія Базарова и его безпокойную тоску — „признакъ великаго сердца“. 4) Тургеневъ пишетъ Достоевскому: „что такое я, что такое отдѣльное лицо?. 5) Достоевскій въ полемикѣ съ Щедринымъ цѣнитъ, что Тургеневъ „не подался на чувствительность, не повѣрилъ“, т. е. обнаружилъ нѣкоторую волевою самостоятельность.

До 1867 г. мирно текла ихъ пріязнь, какъ неглубокая рѣка, обтекающая встрѣчные камни. Но на пути попался какой то утесъ, за нимъ скать, и рѣка низверглась водопадомъ, мутнымъ и порывистымъ, хотя углубляющимъ русло.

III.

Ссора Достоевскаго съ Тургеневымъ таить въ себѣ еще много загадокъ*). Главный источникъ по ссорѣ—это письмо Достоевскаго къ Майкову, гдѣ онъ описываетъ баденское свое (въ 1867 году) свиданіе съ Тургеневымъ.

„Гончаровъ все мнѣ говорилъ о Тургеневѣ, такъ что я, хотя и откладывалъ заходить къ Тургеневу, рѣшился, наконецъ, ему сдѣлать визитъ. Я пошелъ къ нему утромъ въ 12 часовъ и засталъ его за завтракомъ. Откровенно вамъ скажу: я и прежде не любилъ этого человѣка лично. Сквернѣе всего то, что я еще съ 1857 (1863?) года съ Висбадена долженъ ему 50 талеровъ (и не отдалъ до сихъ поръ!). Не люблю также его аристократическое фарисейское объятіе, съ которымъ онъ лѣзетъ цѣловаться, но подставляетъ вамъ свою щеку. Генеральство ужасное“. Затѣмъ Достоевскій предъявляетъ Тургеневу три обвиненія: атеизмъ, руссофобство, германофильство. Разберемъ ихъ каждое въ отдѣльности, чтобы увидать, какъ вѣрно понялъ Достоевскій одну сторону Тургенева.

*) Изустное преданіе утверждаетъ, что Достоевскій пришелъ однажды къ Тургеневу и исповѣдался передъ нимъ въ своемъ самомъ дурномъ поступкѣ.

— Зачѣмъ вы мнѣ это сказали?! спросилъ Тургеневъ.

— Чтобы показать вамъ, какъ я васъ не уважаю.

У насъ нѣтъ серьезныхъ данныхъ, подтверждающихъ легенду и мы сообщаемъ ее безъ провѣрки. Печатно объ этомъ говоритъ С. Н. Булгаковъ („Рус. Мысль“ IV. 1914). А. Ф. Кони пишетъ мнѣ по этому поводу: „Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ въ „Новомъ Времени“ былъ помѣщенъ *фельетонъ* (автора не помню), начинавшійся, сколько помнится, словами: „къ знаменитому писателю пришелъ и т. д.“ Въ фельетонѣ очень похоже были изображены наружность Тургенева и довольно схожій образъ Достоевскаго, а затѣмъ шелъ рассказъ объ исповѣди. Насколько это было согласно съ истиной и насколько было клеветническимъ измышленіемъ не знаю, но тогда этотъ фельетонъ обратилъ на себя вниманіе людей близкихъ къ литературнымъ кругамъ“. Кромѣ Кони объ исповѣди я знаю и отъ другихъ, но всегда черезъ третьи руки (между прочимъ отъ Волжскаго и Гроссмана) Фельетона не нашель.

Атеизмъ.

„И эти люди тщеславятся, между прочимъ, тѣмъ, что они атеисты! Онъ объявилъ мнѣ, что онъ окончательный атеистъ. Но, Боже мой! Деизмъ намъ далъ Христа, т. е. до того высокое представленіе человѣка, что его понять нельзя безъ благоговѣнія и нельзя не вѣрить, что это идеальное челоуѣчества вѣковѣчный. А что же они то— Тургеневы, Герцены, Утины, Чернышевскіе — намъ представили? Вмѣсто высочайшей красоты Божьей, на которую они плюютъ, всѣ они до того пакостно самолюбивы, до того безстыдно раздражительны, легкомысленно горды, что просто непонятно: на что они надѣются и кто за ними пойдетъ“? Достоевскій былъ совершенно правъ. Тургеневъ пережилъ философскую трагедію 19-го вѣка; это было убійство живыхъ истоковъ своей души и ея интуиціи. Прослѣжу вкратцѣ эволюцію религиозныхъ идей въ Тургеневѣ, вообще недостаточно еще изслѣдованную. Мальчиномъ Тургеневъ теряетъ наивную вѣру:

„Мнѣ грустно было вѣру потерять,
Но что то мощно мнѣ изъ сердца
Ее съ любовью вырвало“.

Мрачно-романтическое безвѣріе нарушается риторическимъ восхищеніемъ передъ „неизъяснимо-величественнымъ явленіемъ“ Христіанства, но нельзя забывать, что рецензія съ Тургеневскимъ восхищеніемъ написана по заказу. Философскія штудіи подъ руководствомъ гегельянца Карла Вердера вели его не къ идеалреализму, а скорѣе къ той дурной абстрактной идеальности, отъ которой предостерегалъ всегда самъ Гегель. Потому что, когда Тургеневъ разсуждаетъ (въ одномъ изъ писемъ 1840 г.), что Духъ проступаетъ изъ Разума, какъ Разумъ изъ Разсудка, для того, чтобы живущій въ глу-

бинъ нашей Богъ наполнилъ бы все наше существо, то какъ не увидѣть въ этихъ, по нѣмецки къ тому же написанныхъ, словахъ — той самой рефлексіи, что „забла“ „Гамлета Щигровскаго уѣзда“ (его репетитора Ключникова) и многихъ людей 40-хъ годовъ*).

Правда, въ природѣ онъ чувствуетъ вѣяніе Бога, но и въ ней, прекрасной, слышатся ему упреки. Значительнѣе полемика Тургенева съ пантеизмомъ неошеллингианцевъ въ 1842 г. Съ жаромъ возстаетъ Тургеневъ противъ солипсизма пантеистовъ, который уже завладѣвалъ имъ самимъ**).

Горячо защищаетъ онъ независимость Абсолюта отъ міра: „Богъ личной, Христіанскій Богъ, есть истинный *grius* мысли и, какъ *grius*, не есть ея произведеніе, а потому и понять быть не можетъ, хотя и доступенъ. Его знаніе есть откровеніе, данное имъ намъ, — открытая тайна“. Тургеневъ рабски перелагаетъ Гегеля***) Здѣсь,

*) Сохранились Тургеневскія студенческія (очень неразборчивыя) записки лекцій въ Орловскомъ Тургеневскомъ музеѣ и архивѣ проф. Венгерова — онѣ подтверждаютъ тоже. „Я занимался философій... и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера“ — пишетъ Тургеневъ въ литературныхъ воспоминаніяхъ. Письмо изъ Берлина, (цитируемая часть по нѣмецки) очень характерно: „Die Vernunft aus der Verstand der Geist aus der Vernunft hervorbricht und der in unserer Tiefe lebende Gott in unserer ganzes Wesen übergeht. Wie kann man die Vermittlung des Denkens läugnen! Und des *reines Denkens* da wir ja das höchste Denkende, die Idee, Gott in uns erschaffen sollen... Eine philosophische Überzeugung fassen ist das höchste Kunstwerk und die Philosophen sind die grössten Meister und Künstler. Eigentlich hört hier die Kunst auf, Kunst zu sein sie löst sich auf in der Philosophie“. (Р. Мысль, XII, 1912.).

***) Ходъ разсужденія пантеиста, по его мнѣнію, такой: все-Богъ. Но все мысль (по Гегелю). Мысли бываютъ и дурныя, но ихъ нельзя приписать Богу. Значить первенство за Я —, включающемъ въ себя и Бога и дурныя мысли. На такіе доводы Тургенева могло натолкнуть знаменитое онтологическое доказательство бытія Божія, идущее отъ Ансельма. Оно живо интересовало — какъ извѣстно — и Гегеля, и Канта (последній его опровергалъ).

***) Въ своей *Логикѣ* Гегель говоритъ: „Изъ самаго понятія истинной религіи, т. е. такой религіи, содержаніе которой составляетъ Абсолютный Духъ, слѣдуетъ, что она должна быть *Откровеніемъ* и откровеніе должно исходить отъ Бога. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ, какъ

какъ и для Гегеля, *theologia est ancilla philosophiae*, а не наоборотъ. Вслѣдъ за своимъ учителемъ Тургеневъ думаетъ, что искусство растворяется въ философіи, какъ искусствѣ высшемъ. Но и христіанство онъ растворилъ въ философіи. Это было постепеннымъ отпадомъ отъ Абсолютнаго и признаніе господства надъ собой душевно-матерьяльнаго царства. Тургеневъ къ нему и пришелъ. Съ удовлетвореніемъ отмѣтитъ онъ, что кантовская философія, которую онъ такъ высоко ставилъ и которой пророчилъ блестящую будущность — считаетъ Я послѣднимъ словомъ всего земнаго (берется половина Канта: Кантъ гносеологъ, а не метафизикъ). Поэтому считается законнымъ равнодушіе къ трансцедентнымъ вопросамъ Фауста второй части. Тургеневъ дѣлаетъ еще шагъ отъ вѣры, въ то время, какъ его другъ Боткинъ увлекается „антропологіей“ Фейербаха и поноситъ христіанство за то, что оно извратило міръ, поставивъ все вверхъ ногами: „здесь есть чуждое, смердящее и только тамъ есть истинное здесь“. Такъ было въ 40-хъ годахъ. Къ моменту второй встрѣчи съ Достоевскимъ Тургеневъ укрѣпился въ своихъ взглядахъ. Какъ обидѣлся онъ на Герцена въ 1862 году: „Въ мистицизмъ я не ударяюсь и не ударюсь; въ отношеніи къ Богу я придерживаюсь мнѣнія Фауста:

„Wer darf ihn nennen
 Und wer bekennen
 Ich glaub ihn?
 Wer empfinden
 Und sich unterwinden
 Zu sagen
 Ich glaub ihn nicht“.

духъ, есть самосознательная субстанція и слѣдственно такая субстанція, которая сама даетъ себѣ свою форму, свои опредѣленія и сама *обнаруживаетъ себя*“ (§ 564). Въ Феноменологіи Духа читаемъ: „Мистическое не есть скрываніе тайны или незнаніе. Оно заключается въ томъ, что самость (*Das Selbst*) знаетъ себя единой сущностью и эта послѣдняя такимъ образомъ откровенна“.

Съ такимъ агностическимъ взглядомъ, не довѣряющимъ Откровенію, нельзя уже быть христіаниномъ. Тургеневъ признается въ этомъ, какъ въ личномъ своемъ несчастіи. Христіанинъ вѣруетъ въ Богочеловѣчество (и Достоевскій вѣровалъ въ него). У насъ есть данныя предполагать, что Тургеневъ сочувствовалъ взглядамъ Штрауса и Ренана, которые отрицали Божественную природу Иисуса и пытались научно (исторически) подойти къ его біографіи. Въ черновикѣ воспоминаній объ Ивановѣ, Тургеневъ записалъ, что Ивановскій Христось „это именно Христось, какимъ его понимаетъ Русская Душа“, а сдѣланное имъ сравненіе этого Христа со Штраусовскимъ углубляется тѣмъ, что онъ не считалъ эту картину чистой живописью*). Штраусъ же этой эпохи—это, такъ сказать, прозаическій переводъ Ренана на нѣмецкій языкъ: вспомнимъ, что лицо Христа „стихотвореній въ прозѣ“ (*Senilia*), встрѣченного въ деревенской церкви, похоже на всѣ человѣческія лица. Ренана Тургеневъ зналъ лично, называлъ „метромъ“ и позже удивлялся вѣрности и тонкости его анализа въ *L'Eglise chretienne* того, какъ создалась Церковь („dont l'eglise s'est organisée“). Вѣроятно, его плѣняла поэтическая религіозность автора, далекаго въ своемъ эстетствѣ отъ истиннаго христіанства. Шопенгауэръ—настолярная книга для Тургенева того времени—относится совсѣмъ пренебрежительно къ „событіямъ въ Галилеѣ“. Неудивительно послѣ этого, если Достоевскій могъ счесть Тургенева за сторонника ненавистныхъ ему „женевскихъ идей“: „оставьте мнѣ Бога и искусство, уступаю Вамъ Христа“. Онъ имѣлъ право на большее! Вѣдь въ письмѣ къ Герцену 1869 года Тургеневъ присоединился къ атеизму, провозглашенному ру-

*) „Ce n' est plus de la peinture pure, c' est de la philosophie de la poesie, de l' histoire , de la religion“. (Письмо къ П. Виардо).

ководимой Бакунинымъ Лигой Мира и Труда: „Онъ (Бакунинъ) въ Лондонѣ, въ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ, еще вѣрилъ въ личнаго Бога и въ разговорѣ со мной, на старый романтическій ладъ, ходя ночью при лунѣ по улицѣ, осуждалъ тебя за невѣріе. Чтожь! *отчего не открыть глаза передъ истиной?*“. И это писалъ чело-вѣкъ, въ то время какъ художникъ (конецъ *Отцовъ и Дѣтей, Несчастной*)... говорилъ о великихъ тайнахъ чело-вѣческой жизни и души. Но для того, чтобы лучше понимать Тургенева, нужно помнить его слова Толстому о томъ, что въ немъ сильно и дѣйствительно только безсознательное. Безсознательное вдохновляло его и хранило его духъ. Благодаря ему, какъ творецъ, проникалъ онъ къ тѣмъ сторо-намъ бытія, которыя были недоступны уму рационалиста*).

Достоевскій замѣтилъ одного и не замѣтилъ дру-гого.

Понялъ спекулятивно-мудрствующаго философа и не понялъ тайновидца — мудреца.

Но въ своемъ онъ былъ правъ, какъ правъ былъ, когда писалъ о руссофобствѣ.

Руссофобство.

— Его книга „Дымъ“ меня раздражила—пишетъ До-стоевскій Майкову.—Онъ самъ говорилъ, что главная мысль, основная точка его книги, состоитъ во фразѣ: „Если бы провалилась Россія, то не было бы никакого убытка, ни волненія въ чело-вѣчествѣ“. Онъ объявилъ мнѣ, что это его основное убѣжденіе о Россіи. Нашелъ я его страшно раздраженнымъ неудачею „Дыма“. А я, признаюсь, и не зналъ всѣхъ подробностей неудачи. Вы мнѣ писали о статьѣ Страхова въ „Отечественныхъ

*) Въ эскизѣ, посвященномъ Тургеневу въ *Nouveaux Essays de psychologie contemporaine*, Поль Бурже говоритъ, что благодаря от-тѣнкамъ своихъ чувствъ художникъ присоединяется къ какой либо метафизикѣ, не сознавая этого.

запискахъ“; но я не зналъ, что его вездѣ отхлестали, и что въ Москвѣ, въ клубѣ, кажется, собирали уже под-писку именъ, чтобы протестовать противъ его „Дыма“. Онъ это мнѣ самъ рассказывалъ. Признаюсь вамъ, что я никакъ не могъ представить себѣ, что можно такъ наивно и неловко высказывать всѣ раны своего самолю-бія, какъ Тургеневъ.... Ругаль онъ Россію и русскихъ безобразно, ужасно. Но, вотъ что я замѣтилъ: всѣ эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы еще Бѣлинскаго, ругать Россію находятъ первымъ своимъ удовольствіемъ и удовлетвореніемъ. Разница въ томъ, что послѣдователи Чернышевскаго просто ругаютъ Россію и желаютъ ей провалиться (преимущественно прова-литься). Эти же отпрыски прибавляютъ, что они *любятъ Россію*, а между тѣмъ не только все, что есть въ Россіи чуть-чуть самобытнаго, имъ ненавистно такъ, что они его отрицаютъ и тотчасъ же съ наслажденіемъ обра-щаютъ въ карриатуру, но что если бы, дѣйствительно, представить имъ, наконецъ, фактъ, который бы ужъ нельзя опровергнуть или въ карриатурѣ испортить, а съ ко-торымъ надо непременно согласиться, то, мнѣ кажется, они бы были до муки, до боли, до отчаянія несчастны.

2) Замѣтилъ я, что Тургеневъ (равно какъ и всѣ, долго не бывшіе въ Россіи), рѣшительно фактовъ не знаютъ (хотя и читаютъ газеты) и до того грубо потеряли всякое чутье Россіи, такихъ обыкновенныхъ фактовъ не понима-ютъ, которые даже нашъ русскій нигилистъ уже не от-рицаетъ и только карриатурировать по своему... Онъ го-ворилъ, что пишетъ большую статью на всѣхъ руссо-филовъ и славянофиловъ. Я посовѣтовалъ ему для удоб-ства выписать изъ Парижа телескопъ. „Для чего“ спросилъ онъ. „Отсюда далеко, — отвѣчалъ я, — наве-дите на Россію телескопъ и разсматривайте насъ; а то, право, разглядѣть трудно“. Онъ ужасно разсердился.

Видя его такимъ раздраженнымъ, я, дѣйствительно, съ чрезвычайно удавшейся наивностью сказалъ ему: „А вѣдь я не ожидалъ, что всѣ эти критики на васъ и не успѣхъ „Дыма“ до такой степени раздражаютъ васъ; ей Богу, не стоитъ того, плюньте на все“. „Да я вовсе не раздраженъ! Что вы“? покраснѣлъ онъ. Я перебилъ разговоръ“.

Для Достоевскаго любовь къ Россіи была чѣмъ то болѣзненно острымъ. Если въ отношеніи друго-го ему чувствуется *недостаточно*, онъ готовъ считать его своимъ врагомъ. Въ 1873 году онъ рассказывалъ Вс. С. Соловьеву о четырехъ послѣднихъ годахъ своей жизни за границей, о русскихъ людяхъ, превратившихся въ европейцевъ и возненавидѣвшихъ Россію, и, главнымъ образомъ, объ одномъ изъ нихъ, хорошо всѣмъ извѣстномъ человѣкѣ. Значить, опять достается Тургеневу. Взгляды Потугина, которые такъ раздражили Достоевскаго, хорошо извѣстны: „Наша матушка Русь православная провалиться бы могла въ тарь-тарары, и ни одного гвоздика, ни одной булавочки не потревожила бы родная: все бы преспокойно оставалось на своемъ мѣстѣ, потому что даже самоваръ, и лапти, и дуга, и кнутъ—эти наши знаменитые продукты не нами выдуманы,“ Поэтому — „стоило бы только дѣйствительно смириться не на однихъ словахъ, — да признаться у старшихъ братьевъ“... „наша натура — ничего, выдержать: не въ такихъ была передрягахъ. Бояться за свое здоровье, за свою самостоятельность могутъ одни нервные больные, да слабые народы“. Потугинъ смѣется надъ вѣрою въ мужика: „идолы разрушены, будемъ же вѣрить въ армякъ“ — и характеризуетъ славянъ безвольными: „привычки рабства слишкомъ и слишкомъ глубоко въ насъ вѣдрились“. Сравнивая себя съ Катулломъ, Потугинъ говоритъ, что онъ любитъ и ненавидитъ „свою милую,

скверную, дорогую родину“, а авторъ приводитъ въ примѣчаніи классическія строки:

„Odi et amo; quare id faciam fortasse requiris?
Nescio: sed fièri, Sentio et aхrcrucior“.

Политическія убѣжденія Тургенева не мѣнялись съ молодыхъ лѣтъ, въ чемъ онъ сознается самъ. Они подтверждаютъ все то, что высказано Потугинимъ*). Въ 40 хъ годахъ онъ предостерегаетъ отъ преклоненія передъ русскимъ за то только, что оно русское, и смѣется надъ „умниками московскими“—славянофилами**). Въ 60-хъ годахъ у него цѣльное возрѣніе на Россію. Россія ни что либо исключительное, „Не Венера Милосская въ черномъ тѣлѣ и узахъ“. Ей предстоитъ еще таскаться, какъ и старшимъ ея сестрамъ, хотя она, „рыломъ въ нихъ не вышла“, говоря языкомъ Островскаго. Тургеневъ утверждаетъ, что на основаніи исторіи, филологіи, статистики, „мы, русскіе принадлежимъ и по языку, и по породѣ къ европейской семьѣ (genus Europaicum) и, слѣдовательно, по самымъ неизмѣннымъ законамъ фізіологіи должны итти по той же дорогѣ“. Онъ „не слыхалъ еще объ уткѣ, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами, какъ рыба“. Никакой непрístupной черты между

*) Тургеневъ считаетъ „Дымъ“ самой дѣльной и полезной вещью имъ написанной. Въ Потугинѣ ни одного лишняго слова и онъ — „philosophe russe“, „ограниченный западникъ“ — „появился въ самое время этой славянской пляски съ присядкой“.

**) „Умница Московскій“, который 1842 года, западныхъ людей бранить и писать донесенья — изображенъ въ *Помыщикъ* 1841 г. (перепечатанъ въ Петерб. Сборникѣ). Въ 1855 г. Тургеневъ молитъ по поводу этихъ строкъ: „чтобы ни за что не печатали ... строфы о славянофилахъ и объ Аксаковѣ“. Въ запискѣ 1842 года (гдѣ предостереженіе отъ ограниченныхъ и неблагодарныхъ нападковъ на Западъ) Россія считается посредникомъ между Западомъ и Востокомъ, еще не опредѣлившимся и потому не обратившимъ на себя вниманія западныхъ ученыхъ. Находя разницу между нѣмецкой Gemeinde и русскимъ „міромъ“ огромной, Тургеневъ не рискуетъ стать совершеннымъ противникомъ крѣпостного права. Бѣлинскому онъ пишетъ, что „русскій человекъ не только шанку, но и мозгъ носить на бекрень“.

Россіей и Западомъ нѣтъ. Ее проводятъ въ патриотическомъ ослѣпленіи просто мало свѣдушіе люди. Если признать воздѣйствіе Греціи на Римъ и ихъ вмѣстѣ на германо-романскій міръ, то необходимо допустить воздѣйствіе и этого однороднаго, родственнаго съ нами міра на насъ. Мы не такъ уже слабы и мало самобытны, не какой нибудь „плохонькій народецъ“. Наоборотъ, „насъ хоть въ семи водахъ мой нашей русской сути изъ насъ не вывести“ и бояться посторонняго вліянія намъ не слѣдъ. Тургеневъ отвѣтилъ другу, описывающему мрачную картинку русскаго быта: „Къ сожалѣнію добросовѣстный человѣкъ обязанъ подписаться почти подъ каждой изъ вашихъ фразъ. Исторія ли сдѣлала насъ такими, въ самой ли нашей натурѣ находятся залогомъ того, что мы видимъ вокругъ себя, — только мы, дѣйствительно, продолжаемъ сидѣть, въ виду неба и со стремленіемъ къ нему, по уши въ грязи. Говорятъ иные астрономы, что кометы становятся планетами, переходя изъ газообразнаго состоянія въ твердое; всеобщая газообразность Россіи меня смущаетъ и заставляетъ думать, что мы еще далеки отъ планетарнаго состоянія. Нигдѣ ничего крѣпкаго, твердаго, нигдѣ никакого зерна; не говорю уже о сословіяхъ, въ самомъ народѣ этого нѣтъ“.

Такъ глубоко оцѣнивалъ Тургеневъ Россію эпохи великихъ реформъ, когда впервые зашатались подъ нею многовѣковые устои.

Человѣкъ — игрушка въ рукахъ историческаго процесса, predeterminedнаго временемъ, пространствомъ и механической причинностью, потому онъ любитъ повторять изреченіе Гете: „der Mensch ist nicht geboren frei zu sein“. „Русскій человѣкъ, предоставленный самому себѣ, несминуемо прѣвращается въ старообрядца“. Шаховскія идеи, подтвержденныя Достоевскимъ отчасти въ Пушкинскій рѣчи, что „цѣль всякаго движенія народнаго

во всякій періодъ его бытія, есть единственно лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственнаго“, что „Единый народъ — богоносець — это русскій народъ“ — эти идеи не нашли бы сочувствія въ Тургеневѣ. Герцень разрушилъ всѣ идола, отвергъ das Absolute въ философіи, но не можетъ жить безъ идоловъ, мистически преклоняется передъ русскимъ тулупомъ. Съ усмѣшкой укажетъ ему на такую несообразность Тургеневъ (совсѣмъ по-Потугински). Россію не разъ представлялъ себѣ Тургеневъ въ видѣ сфинкса, огромнаго, неподвижнаго и затуманеннаго, съ тяжелымъ инертнымъ взглядомъ угрюмовнимательныхъ каменныхъ глазъ. Онъ не былъ Эдипомъ. Odium Тургенева выясненъ. О его amor patriae лучше насъ скажутъ томы его сочиненій. Чтобы подтвердить это еще разъ, хочется привести выдержку изъ Шекспировской его рѣчи 1864 года: „можетъ ли не существовать особой близости и связи между беспощаднѣйшимъ и, какъ старецъ Лиръ, всепрощающимъ сердцеѣдомъ, между поэтомъ, болѣе всѣхъ и глубже всѣхъ проникшимъ въ тайны жизни, и народомъ, — главная отличительная черта котораго до сихъ поръ состоитъ въ почти непримѣрной жадѣ самосознанія, въ неутомимомъ изученіи самого себя, — народомъ, также не щадящемъ собственныхъ слабостей, какъ и прощающимъ ихъ у другихъ, — народомъ, наконецъ, не боящимся выводить эти слабости на свѣтъ Божій, какъ и Шекспиръ не страшится выносить темныя стороны души на свѣтъ поэтической правды; на тотъ свѣтъ, который въ одно и то же время и озаряетъ, и очищаетъ ихъ“.

Такъ разумнымъ это разъясняется Тургеневское оді. Достоевскій упрекалъ Тургенева, почему тотъ сказалъ, что гибель Россіи не отразится на міровой жизни. Да, это правда, Тургеневъ такъ говорилъ. Но что ему это было больно — Достоевскій этого не замѣтилъ. Да, Достоев-

скій правъ: Тургеневъ ругалъ Россію и прибавлялъ, что любить. „Люблю и ненавижу. Почему это происходит — не знаю. Такъ дѣлается со мной и я страдаю“ — пѣлъ онъ за Катулломъ. „Самобытное“ было ненавистно Тургеневу, когда онъ *подозрѣвалъ* эту самобытность, а то что онъ не зналъ фактовъ — это не вѣрно. Тургеневъ зналъ *другіе* факты. У Тургенева было совершенно противоположное Достоевцевскому міровоззрѣніе, и къ нему подбирались *другіе* факты. Болѣе вѣско третье обвиненіе Майковского письма, обвиненіе въ германофильствѣ.

Германофильство.

„Онъ говорилъ, что мы должны ползать передъ нѣмцами, что есть одна общая всѣмъ дорога и неминуемая — это цивилизація“. Вѣроятно, Тургеневъ выразилъ любимую свою мысль о единствѣ европейскаго человѣчества. Уходя, Достоевскій „какъ-то совсѣмъ безъ намѣренія, къ слову, высказалъ все, что накопилось въ три мѣсяца въ душѣ отъ нѣмцевъ“. „Знаете ли, какіе здѣсь плуты и мошенники встрѣчаются. Право, черный народъ здѣсь гораздо хуже и безчестнѣе нашего, а что глупѣе, то въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Ну, вотъ, вы говорите про цивилизацію; ну что сдѣлала имъ цивилизація, и чѣмъ они могутъ передъ нами похвастаться.“ Онъ поблѣднѣлъ (буквально ничего, ничего не преувеличиваю) и сказалъ мнѣ: „Говоря такъ, вы меня лично обижаете. Знаете, что я здѣсь поселился окончательно, что я самъ считаю себя за нѣмца, а не за русскаго и горжусь этимъ“. Я отвѣтилъ: „Хотя я читалъ „Дымъ“ и говорилъ съ вами цѣлый часъ, но все — таки я никакъ не ожидалъ, что вы это скажете, а потому извините, что я васъ оскорбилъ“.

Тургеневъ пишетъ, что онъ въ юности своей бросился внизъ головою въ нѣмецкое море и вынырнулъ оттуда западникомъ навсегда. Когда онъ вернулся изъ-за границы и встрѣтился въ первый разъ съ Достоев-

скимъ, ему не разъ приходилось защищать Германію и нѣмцевъ.

Отличительной чертой характера Тургенева была *обязательность*, а Германіи онъ былъ обязанъ многимъ. „Ich verdanke zu viel Deutschland“, говоритъ Тургеневъ въ предисловіи къ нѣмецкому изданію „Отцовъ и Дѣтей“ и называетъ Германію — второй своей родиной („mein zweites Vaterland“). Нѣмцамъ — Пичу и Фридлиндеру — „баденскій буржуа“ — Тургеневъ признавался, что онъ имѣлъ зубъ на Германію, когда писалъ *Вѣшнія Воды* (Клюберъ), но это ничто въ сравненіи съ той враждебностью, которую онъ чувствовалъ противъ Россіи и Франціи. Въ томъ, что онъ искренно любитъ Германію, не въ состояніи разубѣдить его ни одинъ человекъ.

Конечно, Достоевскій не могъ слышать этихъ словъ, но онъ могъ ихъ интуитивно угадывать своей чуткостью огромнаго художника.

Закончимъ цитатою Майковскаго письма:

„Затѣмъ мы распрощались весьма вѣжливо, и я далъ себѣ слово болѣе къ Тургеневу ни ногой никогда. На другой день Тургеневъ, ровно въ десять часовъ утра, заѣхалъ ко мнѣ и оставилъ хозяевамъ для передачи мнѣ свою визитную карточку. Но такъ какъ я самъ сказалъ ему наканунѣ, что я раньше двѣнадцати принять не могу, и что спимъ мы до одиннадцати, то пріѣздъ его въ десять часовъ утра я принялъ за ясный намекъ, что онъ не хочетъ встрѣчаться со мною и сдѣлалъ мнѣ визитъ въ десять часовъ именно для того, чтобы я это понялъ. Во всѣ семь недѣль я встрѣтился съ нимъ одинъ только разъ на вокзалѣ. Мы поглядѣли другъ на друга, но ни онъ, ни я не захотѣли другъ другу поклониться. Можетъ быть, вамъ покажется непріятною эта злорадность, съ которою я вамъ описываю Тургенева, и то—какъ мы другъ друга оскорбили. Но, ей Богу, я не въ силахъ: онъ слишкомъ

оскорбилъ меня своими убѣждениями. Лично мнѣ все равно, хотя со своимъ генеральствомъ онъ и не очень привлекателенъ, но нельзя же-слушать такія ругательства на Россію отъ русскаго измѣнника, который бы могъ быть полезенъ. Его ползаніе передъ нѣмцами и ненависть къ русскимъ я замѣтилъ давно, еще года четыре назадъ. Но теперешнее раздраженіе и остервенѣніе до пѣны у рта на Россію происходятъ единственно отъ неуспѣха „Дыма“, и что Россія осмѣлилась не звать его геніемъ. Тутъ одно самолюбіе, и это тѣмъ пакостнѣе“.

То самое свойство, которое въ началѣ знакомства ставилось въ заслугу, — теперь разсматривается иначе. Раньше Тургеневъ — „аристократъ, богачъ“ — и это похвала; теперь — „генеральство ужасное“. Но не эта психологическая особенность, не генеральство и даже не самолюбіе уязвили глубоко Достоевскаго.

— „Онъ слишкомъ оскорбилъ меня своими убѣждениями“.

Къ этимъ словамъ не прислушивались достаточно серьезно, а ихъ слѣдуетъ очень запомнить.

* * *

Майковское письмо, въ копій, было доставлено неизвѣстнымъ лицомъ издателю *Русскаго Архива*. Оно не было подписано, но ех ungue leonem — узнали автора тотчасъ же. Тургеневъ узналъ объ этомъ отъ Анненкова въ самомъ концѣ 1867 года.

— Вотъ послѣ этого и пускай къ себѣ соотечественниковъ. Молодца! — подумалъ Тургеневъ и написалъ письмо Бертеневу, издателю *Русскаго Архива*.

„До свѣдѣнія моего дошло — писалъ онъ — что въ Чертковскую бібліотеку прислано на ваше имя письмо

съ подписью Ф. М. Достоевскаго, и что въ этомъ письмѣ, которое должно явиться въ свѣтъ не ранѣе 1890 года, изложены имъ мнѣнія возмутительныя и нелѣпыя о Россіи и русскихъ, которыя онъ приписываетъ мнѣ. Эти мнѣнія, составляющія будто бы мое задушевное убѣжденіе, было высказано мною, по увѣренію г-на Ф. Достоевскаго, въ его присутствіи въ Баденѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ, во время единственнаго посѣщенія, которымъ онъ меня почтилъ. Не говоря уже о томъ, насколько можетъ быть оправдано подобное злоупотребленіе довѣрія, я вынужденнымъ нахожусь объявить съ своей стороны, что выражать свои задушевные убѣжденія передъ г. Достоевскимъ я уже потому полагалъ бы неумѣстнымъ, что считаю его за человѣка, вслѣдствіе болѣзненныхъ припадковъ и другихъ причинъ, не вполне обладающаго собственными умственными способностями; впрочемъ это мнѣніе мое раздѣляется многими другими лицами. Видѣлся я съ г-номъ Достоевскимъ, какъ уже сказано, всего одинъ разъ. Онъ высидѣлъ у меня не болѣе часа и, облегчивъ свое сердце жестокой бранью противъ нѣмцевъ, противъ меня и моей послѣдней книги, удалился; я почти не имѣлъ времени и никакой охоты возражать ему: я, повторяю, обращался съ нимъ, какъ съ больнымъ. Вѣроятно, разстроеному его воображенію представились тѣ доводы, которые онъ предполагалъ услышать отъ меня, и онъ написалъ на меня. . . свое донесеніе потомству. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1890 году и г-нъ Достоевскій, и я — мы оба не будемъ обращать на себя вниманія соотечественниковъ; а если мы и не будемъ совершенно забыты, то судить о насъ стануть не по одностороннимъ извѣстамъ, а по результатамъ цѣлой жизни и дѣятельности; но я всетаки почелъ своею обязанностью теперь же протестовать противъ подобнаго искаженія моего образа мыслей.“

24 апрѣля 1871 года Тургеневъ описываетъ Полонскому, какъ Достоевскій посѣтилъ его: „не съ тѣмъ, чтобы выплатить мнѣ деньги, которыя у меня занялъ, а обругать меня за „Дымъ“, который по его понятію подлежалъ сожженію отъ руки палача. Я слушалъ, молча, всю эту филиппику, и что же узнаю? — Что будто я ему выразилъ всякія преступныя мнѣнія, которыя онъ поспѣшилъ сообщить Бартеневу. (Б. дѣйствительно мнѣ написалъ объ этомъ). Это была бы просто на просто клевета — если бы Достоевскій не былъ сумасшедшимъ — въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь. Быть можетъ, ему померещилось. Но, Боже мой, какія мелкія дрязги“. Е. Гаршину Тургеневъ рассказывалъ, что Достоевскій принесъ ему свой долгъ, но отдавая его, „чувствовалъ тяжесть своего обязательства относительно человѣка, котораго онъ не любилъ. Тутъ подвернулся „Дымъ“. Взявъ его, Достоевскій сказалъ: „Эту книгу надо сжечь рукою палача . . . Вы ненавидите Россію, вы не вѣрите въ ея будущее“.

Тургеневъ оправдывался передъ Гаршинымъ и приписывалъ зависти поступокъ Достоевскаго.

Тургеневскіе источники рисуютъ баденское свиданіе такъ: душевно неуравновѣшенный Достоевскій, связанный мучающимъ его долгомъ, ругаетъ нѣмцевъ и *Дымъ*. Тургеневъ ему почти не отвѣчаетъ, обращается съ нимъ, какъ съ больнымъ. Но это особенно могло раздражать Достоевскаго, который, хотя и больной, высказывалъ завѣтные свои взгляды. Тургеневъ, объясняетъ ссору психологически (болѣзненностью Достоевскаго). Его противникъ указываетъ на глубокую разницу убѣжденій.

Точка зрѣнія Тургенева, которой держались до сихъ поръ изслѣдователи, объясняетъ только поведеніе Тургенева и ничего не разъясняетъ въ Достоевскомъ. Ее слѣдуетъ оставить. Я считаю необходимымъ смотрѣть на ссору, становясь на *сторону* Достоевскаго.

IV.

Личность, какъ цѣлое, съ трудомъ доступна познанію, а потому стремленія, исходящія изъ Я, какъ самостоятельнаго цѣлага, должны опознаваться съ трудомъ.

Лосскій.

Виндельбандъ правъ, когда говоритъ, что передъ всякимъ серьезнымъ человѣкомъ когда нибудь въ жизни возникаетъ вопросъ о свободѣ. Рѣшенія этого вопроса Тургеневымъ и Достоевскимъ прямо противоположны, и потому пути ихъ къ Богу діаметрально различны; они не могутъ понять другъ друга. Я покажу, что вопросъ этотъ былъ существеннымъ для обоихъ.

Тургеневъ — детерминистъ. Онъ выразилъ свой взглядъ, описывая барельефъ, на которомъ *Necessitas* — необходимость — толкаетъ *Vis* — силу, а сила толкаетъ *Libertas* — свободу, единственно зрячую изъ всѣхъ трехъ. Въ этомъ отрывкѣ — отзвукъ шопенгауэровскихъ идей. Въ основѣ міра лежитъ *Necessitas* (Мойра, Ананкэ, какъ ее называли греки) — высокая и слѣпая старуха, отъ которой идетъ „воля къ жизни“. Эта же старуха — „та судьба, отъ которой не уйти“ — загоняетъ въ могилу человѣка, мнящаго себя свободнымъ, а если онъ не захочетъ, то могила сама придетъ за нимъ. Она — та Изида — Природа, которая смиряетъ всѣ порывы и мечтанія своимъ безучастно леденящимъ взглядомъ, которая заставляетъ моль поѣдать драгоценныя строки Софокла, высшее порожденіе человѣческаго генія. „Только одно сознаю я — пишетъ Тургеневъ въ 60-хъ годахъ — совершеніе какихъ то вѣчныхъ, неизмѣнныхъ, но глухихъ и нѣмыхъ законовъ надъ собою, — и маленькій пискъ моего сознанія также мало тутъ значитъ, какъ если бы я вздумалъ лепетать „я, я, я“ на берегу невозвратно те-

кущаго океана“. Смысль челоѣческаго поведенія высказанъ въ *Фаустъ*: „Entbehren sollst du, sollst entbehren“. Тургеневъ развиваетъ это изреченіе: „жизнь тяжелый трудъ. *Отреченіе*, отреченіе постоянное—вотъ ея смыслъ, ея разгадка“. „Послѣ 40 лѣтъ — говоритъ Тургеневъ Флоберу — одно слово составляетъ сущность жизни: „*renoncer*“. „La Resignation, la hideuse resignation“ чувствуется ему вездѣ. Такъ на трехъ языкахъ указываетъ Тургеневъ личную дорогу. „Не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы возвышены они ни были, исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться челоѣку . . . А въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше; тѣмъ дальше уйдешь . . . Но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины глянуло, наконецъ, тебѣ въ глаза“. Лиза Калитина думала такъ, пока не сознала, что жизнь наша не отъ насъ, а отъ Бога. Сознавъ этотъ единственный путь къ спасенію, она удалилась въ монастырь. Святая у Тургенева Лукерья въ *Живыхъ Мощахъ*—отъ нея и „грѣхъ отошелъ“—потому что смыслъ ея существованія — полная, даже физическая резигнація. Къ этой резигнаціи пришелъ Тургеневъ, хотя въ молодости его влекли къ себѣ типы возмущенія—Прометей и Сатана (эти оторванные отъ Абсолюта „самости“). „Я, помнится, въ молодости хотѣлъ, чтобы каждое мгновеніе моей жизни было значительно. Дерзостное и едва ли безгрѣшное желаніе. Пускай, ручеекъ журчитъ себѣ, пока не сольется съ моремъ“. Лукерья растворилась въ мірѣ, стала такимъ ручейкомъ, и взялъ ее къ себѣ Христось. Есть похожій на этотъ, и въ то же время другой, способъ сліянія съ міровой жизнью. Въ аллеяхъ Спасскаго парка, куда звалъ Тургеневъ Флобера. Тамъ становишься неподвижнымъ въ состояніи торжественномъ, безконечномъ и тупомъ, въ которомъ сразу: и жизнь, и животность, и Богъ. Выходишь

оттуда, какъ изъ мощной ванны, и снова тянешь житейскую ляжку*). Это путь—путь пантеистической. Онъ еще студентомъ чувствуетъ въ природѣ вѣянiя Бога, но она упрекаетъ его бѣднаго, слѣплого, исполненнаго тщетныхъ сомнѣнiй. Позже, среди тщеты всего земного ему почувдится присутствiе *чего то*, что онъ назвать не умѣетъ и что не исчерпывается словомъ: смерть. А потому: „обращенiе къ Богу—рядомъ съ порывами на заповѣдные луга“. Богъ и луга. *La bête* и *le Dieu*... вотъ гдѣ они встрѣчаются вмѣстѣ. Но это гдѣ то по другую сторону „мира явленiй“, потому что этотъ миръ не допуститъ ничего выходящаго за предѣлы эмпирическаго опыта, которому довѣряетъ разсудокъ. Присматриваясь глубже къ религiознымъ состоянiямъ Тургенева, мы можемъ назвать ихъ чаще всего — метафизикой душевной жизни**). Его господствующая черта—утонченная, безвольная психичность въ самомъ глубокомъ ея пониманiи. Ею одушевляется материальный миръ, но еще не создаются тѣ высшiя формы времени, которыя преодолевали брэнность жизни. Жизнь для себя, хотя и для глубокаго въ себѣ, выводитъ личность изъ временнаго потока, но оторванная отъ Абсолютнаго она отстаетъ недоступной сверхвременному. Въ мирѣ явленiй на вопросъ о Богѣ Тургеневъ отвѣ-

*) Dans les allées d'un vieux jardin compagnard . . . superbe! On s'immobilise dans une sensation grave et immense et stupide, qui tient à la fois de la vie, de la bête et de Dieu. On sort de là comme si on avait pris je ne sais quel bain puissant, et puis on reprend le train-train ordinaire.

Приходится при изученiи тургеневскихъ писемъ, переведенныхъ Гальпериномъ Каминскимъ („Письма къ П. Вiардо и франц. друзьямъ“, изд. Ефимова; „Пис. къ Паулинѣ Вiардо“ и въ журналахъ), прибѣгать къ подлинникамъ (что обычно не дѣлалось къ сожалѣнiю до сихъ поръ), т. к. переводъ неудовлетворителенъ.

**) На мысли, связанныя съ этимъ опредѣленiемъ, меня натолкнула замѣчательная книга Франка, *Душа человека*. У него и у Лосского (*Миръ, какъ органическое цѣлое*) даны характеристики трехъ царствъ: матерiи, души и духа.

чаесть: не знаю. О! Кантъ для него учитель, передъ которымъ блѣднѣетъ вердеровская гегельянщина! „Профессоръ Кантъ тихо и неутомимо создавалъ свою критическую философію, ту самую философію, которая мало по-малу проникла всю нашу дѣйствительность и скажетъ свое послѣднее слово даже не нашему поколѣнію“. Это написано въ 1845 г.; а въ послѣдніе годы жизни Тургеневъ спрашиваетъ Полонскаго въ духѣ теоретическаго Канта: „да и есть ли непостижимыя истины?“ и прибавляетъ: „Для меня въ непреложности законовъ есть нѣчто самое ужасное, т. к. я никакой цѣли, ни злой, ни благой, не вижу въ нихъ. Есть ли Богъ? Не знаю. А вотъ законъ причинности мнѣ извѣстенъ. Дважды два—четыре. Русскій народъ — народъ европейскій (*genus Europaicum*), и путь его развитія предуготованъ его происхожденіемъ. Утка не можетъ дышать жабрами. *Du bist am Ende was du bist* (ты въ конечномъ есть то, что ты есть)“ — любимая фраза Тургенева. „Не изъ царедворства написалъ Гете свои знаменитые стихи: *Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein*. Это просто-на-просто фактъ, истина, которую онъ высказалъ въ качествѣ точнаго наблюдателя природы“*). Все зависитъ отъ условій историческаго процесса, среды—и задача политика, какъ и частнаго человѣка, сводится къ угадкѣ отъ вѣка намъ предназначенныхъ путей. Всякое проявленіе личной воли—грѣхъ, влекущій за собой расплату. Достоевскій — индетерминистъ. Если у Тургенева все идетъ отъ природы къ человѣку, то у Достоевскаго—человѣкъ—центръ, и сама природа опредѣ-

*) Ce n'est pas par l'esprit de courtisan crie que Goethe a écrit son fameux vers: *der Mensch* (etc) . . . C'est tout bonnement un fait, une vérité qu'il énonçait en observateur exact de la nature qu'il était.“ Это написано г-жѣ Вярдо въ 1849 г. — тотъ же стихъ въ письмѣ къ Герцену 60-хъ годовъ. Детерминизмъ Тургенева отмѣченъ еще въ 1904 году статьями *Аммона* и *Евлахова* („Журн. Мин. Нар. Пров.“ и „Рус. Богатство“).

лена имъ, стилизація его мыслей о ней, какъ на древне русскихъ иконахъ. Его человѣкъ—волевая личность. Она утверждаетъ себя въ мірѣ — и своимъ безкрайнымъ бунтомъ, отдаваясь стихіямъ, и когда судно изъ безграничнаго трепещущаго Океана попадаетъ въ благолѣпную, тихую бухту утвержденія и пріятія, воспользуемся старымъ христіанскимъ образомъ. „Человѣку надо одного только *самостоятельнаго* хотѣнія, чего бы эта самостоятельность не стоила. Дважды два и безъ моей воли четыре будетъ. Такая ли своя воля бываетъ!“ рассуждаетъ Подпольный человѣкъ. Великій Инквизиторъ весь стоитъ на отрицаніи свободы воли. Католичество поддается на третье дьяволово искушеніе, отвергаетъ свободу построивъ земное царство и тѣмъ самымъ отходить отъ Христова завѣта. Поцѣлуемъ побѣдилъ Христосъ старца—инквизитора, актомъ дѣятельной любви. Ею доказана или вѣрнѣе показана—свобода. Въ Раскольниковѣ тотъ же вопросъ: „вошь ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? Смогу ли я переступить или не смогу? Осмѣлюсь ли нагнуться и взять или нѣтъ? Тварь ли я дрожащая или имѣю право?“... Но тутъ то и случилось, что „свобода“ сдѣлалась жесточайшимъ рабствомъ. Онъ лишился своей воли. „Точно онъ попалъ клочкомъ одежды въ колесо машины, и его начало втягивать“ — говорится въ романѣ. Онъ только предался Дьяволу, и убійство совершилъ тотъ его руками. Виновень Раскольниковъ какъ бы лишь въ томъ, что совершилъ это преданіе самого себя, и это чувствуетъ мать его, въ глубинѣ сердца такъ и не признавая его преступникомъ. Совершилась страшная ошибка; расчетъ тамъ, гдѣ дѣйствительно одно ирраціональное, въ дѣлѣ жизни и смерти. Все это вѣрно учуялъ Порфирій Петровичъ — лицо разъясняющее за автора мораль сей басни: „книжныя мечты-сь, тутъ теоретически раздраженное сердце,

туть рѣшимость на первый шагъ, но рѣшимость особаго рода, — рѣшился, да какъ съ горы упаль, или съ колокольни слетѣлъ, да и на преступленіе-то *словно не своими ногами пришелъ*“. Только въ эпилогѣ обрѣлъ онъ свободу своимъ раскаленно жаждущимъ сердцемъ, у ногъ Сони. Въ *Бѣсахъ* мы найдемъ ту же проблему. Разгадка преступника и атеиста Ставрогина въ его „ничтожномъ характерѣ“. „И не лѣзьте, вы не сильный человѣкъ“ — совѣтуетъ Кирилловъ. А по замыслу вѣдь — Ставогинъ „успокаивается наконецъ на Христѣ, хотя вся жизнь буря и безпорядокъ“. Если сопоставить его замѣчаніе изъ набросковъ художника — съ эпиграфомъ, то его можно будетъ отнести уже не къ Россіи, а къ Николаю Всеволодовичу самому! Это Ставогинъ, олицетворяющій Россію, „сѣлъ у ногъ Иисусовыхъ“. Вотъ „другое рѣшеніе“ — Ставогина, будь онъ достаточно сильнымъ*). Замыселъ не осуществленъ. Ставогинъ ко Христу не пошелъ. Въ послѣднемъ письмѣ-исповѣди такое признаніе: „Мои желанія слишкомъ не сильны; руководить не могутъ“. Разсудочность мѣшаетъ ему повѣрить идеѣ въ такой мѣрѣ, какъ Кирилловъ, и для него: „Все всегда мелко и вяло“. „Дѣлай неустанно“ — учить Зосима. „Повѣрить можно черезъ самоотверженную любовь“. Въ *Братьяхъ Карамазовыхъ* отмѣчено, что Фома „увѣровалъ... единственно потому, что желалъ увѣрвать“. Достоевскій въ своихъ заключеніяхъ о волевомъ моментѣ вѣры предварялъ новѣйшія наблюденія Джемса и Гюйо, впрочемъ давно извѣстныя христіанскому богословію. Въ доказательство того, что здѣсь не одни мысли художника и его героевъ—сошлюсь на статью Достоевскаго о средѣ, гдѣ онъ выступаетъ какъ философъ-

*) Изученіе рукописи „Бѣсовъ“ (въ Ист. Музеѣ) подтвердило это мое заключеніе, высказанное въ концѣ 1916 г. въ „Бирж. Вѣд.“ — „Ставогинъ какъ идея прекраснаго человѣка“.

публицистъ со слѣдующими словами: „Вѣдь этакъ мало по малу придемъ къ заключенію, что и вовсе нѣтъ преступленія, а во всемъ „среда виновата“. Дойдемъ до того по клубку, что преступленіе сочтемъ даже долгомъ, благороднымъ протестомъ противъ среды.... Вѣдь вотъ что говоритъ ученіе о средѣ въ противоположность христіанству, которое, вполнѣ признавая давленіе среды и провозглашая милосердіе къ согрѣшившему, ставитъ однако же нравственнымъ долгомъ челоуѣку борьбу со средой, ставитъ предѣлъ тому, гдѣ среда кончается, а долгъ начинается.“ Софѣ Ковалевской Достоевскій рассказывалъ, что еще въ Сибири онъ спорилъ съ однимъ атеистомъ, въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе. „Есть Богъ, есть! — воскликнулъ онъ въ необыкновенномъ экстазѣ, съ напряженіемъ всѣхъ чувствъ. Въ это время ударили въ колокола. Воздухъ загудѣлъ и заколыхался. Великое мистическое видѣніе посѣтило его тогда. Небо сошло на землю и онъ реально постигъ Бога, въ то время какъ тѣло его билось въ эпилептическомъ припадкѣ“. Въ своей записной книжкѣ онъ записалъ: „недостаточно опредѣлять нравственность вѣрностью своимъ убѣжденіямъ. Надо еще непрерывно возбуждать въ себѣ вопросъ: вѣрны ли мои убѣжденія? Проверка же ихъ одна — Христовъ. Но тутъ уже не философія, а вѣра“. „Стремитесь всегда къ высшему идеалу! Разжигайте это стремленіе въ себѣ, какъ костеръ! Чтобы всегда пылалъ душевный огонь, никогда не погасалъ, никогда!“ — такъ поучалъ Достоевскій одну молодую дѣвушку въ 1873 году.

И политика его волевая, опредѣляемая вѣрой, а не условіями процесса и средой. „Константинополь *долженъ* быть нашъ.“ „Да, *мы вѣруемъ*, что русская нація необыкновенное явленіе въ исторіи челоуѣчества“. „Смирись, гордый челоуѣкъ! Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ

самомъ, найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ нибудь, а прежде всего въ твоёмъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконецъ народъ свой и святую правду его“.

Говоря грубо, Тургеневъ былъ язычникомъ, а Достоевскій ортодоксальнымъ христіаниномъ. Для Тургенева человекъ — *двигаемъ*, для Достоевскаго онъ — *двигается*. Они органически не понимали другъ друга и оскорбляли одинъ другого своими убѣжденіями. Застанъ Достоевскій Тургенева въ его религіозномъ (пантеистическомъ) состояніи, когда весь міръ какъ бы протекаетъ черезъ него, и онъ, убаюканный, носится по волнамъ метафизической, душевной стихіи, и онъ не пойметъ въ чемъ дѣло, криво усмѣхнется. Гдѣ тутъ личный Богъ, къ которому приходилъ онъ волевымъ актомъ? „Деизмъ далъ намъ Христа. . . а что же они то, Тургеневы, намъ представили, вмѣсто красоты Божіей, на которую плюютъ“. Застанъ Тургеневъ Достоевскаго въ томъ состояніи, какъ въ Сибири, когда изступленность вѣры приводила его къ познанію бытія Божія, и онъ скажетъ презрительно, либо жалостно, „больной“ и отвернется. Волевого Базарова Достоевскій понялъ, хотя устами Верховенскаго назвалъ его неясной смѣсью Ноздрева съ Байрономъ. Но не понялъ онъ замыселъ романа и Тургенева, который представилъ имъ роковую побѣду смерти надъ идеей свободы воли. Мы предположили раньше, что первую часть *Преступленія и Наказанія* Тургеневъ счелъ замѣчательной за ея детерминизмъ. Переходя отъ предположеній къ фактамъ болѣе дѣйствительнымъ,

считая даже случайнымъ Тургеневское выраженіе— „что такое я, что такое отдѣльное лицо“, — мы становимся передъ знаменательнымъ бѣшенствомъ Достоевскаго изъ за *Дыма*. *Дымъ* выразилъ политическую идеологію Тургенева, его кредо, наиболѣе полно. Историзмъ, отвергающій роль личности въ исторіи, отношеніе къ цивилизаціи, къ Германіи — все это задушевныя Тургеневскія мысли. И чѣмъ, какъ не болѣзненной фантазіей, должна показаться Тургеневу метафизическая политика его врага? Онъ съ злобой усмѣхнется надъ „вселюбовью этого всечеловѣка“, и это когда уже Достоевскій будетъ покойникомъ. Воспоминанія Алчевской еще разъ говорятъ о томъ же и хотя они записаны поздно, но разговоръ ихъ автора съ Тургеневымъ не могъ быть сильно искаженъ, потому что онъ слишкомъ характеренъ:

— Видите ли — сказала Тургеневъ — Достоевскій человѣкъ болѣзненный и эта болѣзненность отражается и въ его произведеніяхъ. Вначалѣ вы видите какъ будто нѣсколько нормальныхъ типовъ, не похожихъ одинъ на другого, затѣмъ они всѣ разомъ точно заболѣваютъ и какъ то сливаются, дѣлаются похожими одинъ на другого. Никогда ни одного нормального типа, доведеннаго до конца. — Да есть ли они въ жизни при тѣхъ ненормальныхъ условіяхъ общества — сказала его собесѣдница. Тургеневъ отвѣтилъ, что подобныя общества не новинка и развилъ „теорію о томъ, что вообще люди ошибаются, преувеличивая значеніе своей воли, и если сличить статистическія данныя самоубійствъ различныхъ сектъ (?) и другихъ людскихъ дѣйствій, то съ поразительной ясностью видишь отсутствіе этой кажущейся воли“ . . .

Какъ христіанинъ Достоевскій вѣровалъ въ прішествіе Спасителя (и, можетъ быть, какъ Шатовъ, что будетъ оно въ Россіи). Приблизиться къ нему отчасти и

въ нашей волѣ. Тургеневъ со своей статистикой не могъ выбиться изъ подъ Кантовской сѣточки міра явленій въ царство Духа и Свободы (разрѣшивъ, напримѣръ, антиномію воли въ духѣ кантовской практической философіи). Тургеневъ ушелъ отъ матерьяльнаго въ душевное (онъ въ разговорѣ съ Полонскимъ отказывается употреблять слово „матерія“, замѣняя его словомъ „природа“). Но онъ не дошелъ до духовнаго и сознаетъ ненормальность своего положенія: „это къ сожалѣнію грѣшно и странно... Если я еще не успѣлъ приникнуть мыслью къ неземному, то земное давно ушло отъ меня, и я нахожусь въ какой то пустотѣ туманной и тяжелой. „Для того, чтобы показать связь описанныхъ міровоззрѣній Тургенева и Достоевскаго съ ихъ психикой, я сдѣлаю небольшое отступленіе.

Что такое воля, волевой актъ? Въ волевомъ актѣ можно замѣтить три момента: 1) мое стремленіе, 2) чувствованіе активности и 3) перемѣна въ мірѣ, какъ результатъ. Міровоззрѣніе, которое полагаетъ, что движеніе въ мірѣ совершается при содѣйствіи моей активности и есть индетерминизмъ. Таково, напримѣръ, ученіе Лоскаго — интуитивизмъ — терминами котораго я воспользовался. Противоположное міровоззрѣніе считаетъ, что перемѣны въ мірѣ происходятъ безъ участія моихъ стремленій, чувствованія активности навязаны намъ внѣшнимъ міромъ. Это и есть детерминизмъ. Сложность выбраннаго мною опредѣленія воли искупается тѣмъ, что, одной стороною говоря о духовномъ человѣкѣ, объ отношеніи личности къ міру и Богу, другой стороною онъ говоритъ о душевномъ человѣкѣ. Присутствіе моихъ стремленій чувствованія активности и перемѣны, происшедшей подъ ихъ вліяніемъ, опредѣляютъ психическій характеръ человѣка, котораго обычно назовутъ волевымъ. Безвольный человѣкъ тотъ, который не имѣетъ стремленій, а

если и имѣть ихъ, то не чувствуетъ своей активности, поэтому перемены въ мѣрѣ происходятъ безъ ихъ личнаго участія. Такимъ образомъ въ нашемъ опредѣленіи *воля* — имѣть двойной смыслъ — и для бытія (октологическій „свобода воли“) и для психологіи. Отношеніе Тургенева и Достоевскаго къ волѣ въ первомъ смыслѣ показано. Теперь скажу, что для Тургенева по крайней мѣрѣ основы его убѣжденій связываются съ его душевнымъ характеромъ. Жозефина Антоновна Полонская въ письмѣ ко мнѣ такъ описала Тургенева: „Главнымъ его недостаткомъ было отсутствіе воли, и это онъ сознавалъ самъ и называлъ Ахиллесовой пятой. Безхарактерность Тургенева по его словамъ развила въ немъ его мать „чрезмѣрно строгимъ воспитаніемъ“. О томъ же свидѣтельствуется Полонскій. Самъ Тургеневъ настаивалъ, что его можно опредѣлить словомъ „трусъ“ и что „у него ина копейку воли нѣтъ“. „Явообще не создаю, чтобы повелѣвать“—говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ. Стремленій нѣтъ никакихъ, будущаго нѣтъ. „Жизнь вся въ прошедшемъ, и настоящее только дорого какъ отблескъ прошедшаго“. Безвольный Тургеневъ дѣлается пѣвцомъ воспоминаній. Неумѣніе сладить съ обкрадывающимъ его управляющимъ и цѣлый рядъ житейскихъ фактовъ рисуютъ Тургенева безхарактернымъ, безвольнымъ, а страхъ передъ холерой—трусомъ. А Достоевскій? Его духъ былъ волевымъ, но такимъ ли былъ его душевный характеръ? Стремленія у него громадны, чувствованіе активности тоже. Но въ волевыхъ актахъ его бывали срывы. Правда, Баронъ Врангель характеризуетъ его, какъ „человѣка набожнаго, болѣзненнаго, но воли желѣзной“. И однако вспоминается Достоевскій у игорнаго стола, Достоевскій съ вспышками неудержимой раздражительности (какъ со Щедринымъ), когда онъ бывалъ не на высотѣ. „Сатанинская гордость“, о которой говорится въ *Братьяхъ Карамазовыхъ* (раскольниковская),

приводила и его къ цѣлямъ, а не къ свободѣ. „Я видѣлъ его свободнымъ и спокойнымъ — пишетъ одинъ современникъ, встрѣтившій его послѣ Сибири: здоровье его тогда было хорошо. . . въ немъ развилась широкая снисходительность и гуманность. . . и онъ страстно жаждалъ жить и работать“. Я думаю, что Достоевскій былъ по натурѣ своей волевымъ человѣкомъ и такимъ потенциально былъ его душевный характеръ. Это ярко видно на томъ, что онъ смогъ пережить каторгу, черезъ нее пронести свой гений. Но у него была болѣзнь. Когда онъ чувствовалъ себя здоровымъ — дѣйствовала и его воля, но во время болѣзни происходилъ перерывъ. Тѣмъ не менѣе его идеологія опредѣленно волевая, идеологія индетерминиста.

Грандіозныя стремленія Достоевскаго при вступленіи на литературное поприще, ощущеніе имъ своего могущества („чувствованіе активности“) — эти зародители воли оттолкнули, вѣроятно, Тургенева, увидѣвшаго въ этомъ проявленіе самолюбія. Позже яркое переживаніе Достоевскимъ своей личности во время полемики съ Щедринымъ вызовутъ недовольство Тургенева и онъ побрызжитъ на „ро-ро-ро“. Достоевскій проходитъ мимо такихъ фразъ, какъ: „что такое я, что такое отдѣльное лицо“, и цѣнитъ въ Тургеневѣ волевою самостоятельность, когда тотъ „не поддался на чувствительность“ и не повѣрилъ Некрасову. Потомъ онъ скажетъ о Тургеневѣ: „Эта шельма художественно вѣрна самому себѣ, я его знаю *своими боками*“, и похвалитъ статью Страхова, гдѣ Тургеневъ представляется, какъ разительный примѣръ рабства. Особенно онъ высмѣетъ его въ Кармазиновѣ. Кармазиновъ что то безличное, что то бабье, что то почти недостойное называться личностью*). Для

*) Тургенева не любили многіе. Гютчевъ отзывается о немъ, какъ о послѣднемъ выраженіи „худшаго изъ русскихъ нигилизмовъ. Нигилизма нравственнаго и душевнаго безсилія“. Тонкая натура — Н.

Тургенева же Достоевскій — „жестокий талант“, больной человекъ и Маркизь де-Садъ.

Схематически (для наглядности) можно представить себѣ отношенія Тургенева и Достоевскаго такъ :

Тургеневъ и Достоевскій

В О Л Я.

1. Мои стремленія	}	личность
2. <i>Чувствованіе активности</i>		
3. Перемяна въ мірѣ.		

<i>Религіозное состояніе</i> личность (—) Тургеневъ личность (+) Достоевскій	}	Духовный человекъ	{	Нерелигіозное состояніе (Грѣхъ) личность (+) Тургеневъ личность (—) Достоевскій

<i>Политика</i> (+)	}	личность (—) Тургеневъ
личность (—) Тургеневъ		
личность (+) Достоевскій		

<i>Психическій характеръ</i> Тургенева 1. мои стремленія (+) 2. чувствованіе активн. — 3. перемяна (+) Воля (—)	}	Душевный человекъ	{	<i>Психическій характеръ</i> Достоевскаго 1. Мои стремленія (+) 2. Чувствованіе активности (+) 3. <i>Перемяна</i> (±) Воля (+?)

Мы говорили: столкновение двухъ личностей — событие ирраціональное, и потому подходъ къ нему съ такой схемой — подходъ грубый, заранѣе обреченный на неудачу. Но такъ же наука подходитъ къ всякому явленію будь оно духовнымъ, душевнымъ или матерьяльнымъ. Она выдѣляетъ въ многообразіи явленій одно и говорить гипотетически: это первое; затѣмъ уже строить систему. Я нахожу въ духовныхъ и душевныхъ проявленіяхъ Тургенева и Достоевскаго — дѣйствующимъ моментъ воли. Условно я предполагаю его первоначаль-

Герценъ говорила: „Странный человекъ этотъ Тургеневъ! Часто, глядя на него, мы кажется, что я вхожу въ нежилую комнату; сырость на стѣнахъ и проникаетъ эта сырость тебя насквозь — ни сѣсть, ни дотронуться ни до чего не хочется, хочется выйти поскорѣе на тепло и свѣтъ“.

нымъ и строю свою теорію, ибо только построение гипотезирующихъ теорій, а не одно простое собираніе фактовъ, двигаетъ знаніе. Построение разъясняетъ мнѣ отношеніе другъ къ другу двухъ замѣчательныхъ людей, и, руководствуясь его основными линиями, я могу уже раскрасить рисунокъ красками времени, мѣста и національнаго характера.

Этимъ я выполняю завѣщаніе Тургенева — „судить насъ стануть не по одностороннимъ извѣтамъ, а по результатамъ цѣлой жизни и дѣятельности“. Не надо забывать, что моя гипотеза относится *только* къ Тургеневу и Достоевскому, которые „оскорбили другъ друга своими убѣжденіями“ и были психически противоположны. Опредѣляющимъ моментомъ и первофакторомъ другихъ отношеній можетъ быть не воля, а, на примѣръ, отношеніе къ поэтическому вдохновенію (какъ было, на примѣръ, у Фета съ Полонскимъ), или какая либо психическая склонность. Поэтому не всѣ отношенія слѣдуетъ объяснять детерминизмомъ и индетерминизмомъ, но находить каждый разъ особое обобщающее обстоятельство, стремясь къ тому, чтобы даваемое имъ объясненіе, не замыкалось въ узкомъ психическомъ кругѣ и выходило бы за его предѣлы въ міръ бытія. Тогда только мы прикоснемся къ личности въ цѣломъ, не забывая однако, что глубокіе ея истоки непостижимы для самаго тонкаго ока и чудесно ирраціональны, какъ сама жизнь.

V.

Бгъсы самое удивительное и самое своеобразное произведеніе Достоевскаго. Написанное какъ бы „безъ начала и конца“, оно даетъ, какъ настоящая трагедія, только намекъ на то, что совершилось гдѣ то тамъ, за предѣлами романа, а можетъ быть и этого міра. Въ

этомъ *тамъ* встрѣчался съ Шатовымъ Кирилловъ (пролежали въ Америкѣ), *тамъ* Ставрогинъ—личность во весь ростъ, а не обезсиленная, безжизненная, хотя и дьявольски чудесная маска. Здѣсь — проэкція того, что было тамъ, слабые намеки, все больше полулюди и четверть — люди, бѣсы, стадо свиней. Въ земномъ планѣ (въ романѣ будто нѣсколько этажей, сообщенныхъ другъ съ другомъ) — изображена общественность, иногда почти документально (Нечаевскій процессъ). Но черезъ метафизическое пониманіе Россіи и этотъ этажъ — соединяется съ вѣчнымъ. По поводу евангельскаго разсказа о бѣсахъ Степанъ Трофимовичъ, уже обращенный, произнесъ: „видите, это точь въ точь какъ наша Россія. Эти бѣсы, выходящіе изъ больного и входящіе въ свиней — это всѣ язвы, всѣ міазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и бѣсенята, накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи за вѣка, за вѣка. Oui, cette Russie, que j' aimais toujours. Но великая мысль и великая воля осѣняетъ ее свыше, какъ того бѣсноватаго, и выйдутъ всѣ бѣсы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности. . . и сами будутъ проситься войти въ свиней. Да и вошли уже, можетъ быть! Это мы, мы и тѣ, и Петрушка. . . et les autres avec lui, и я можетъ быть, первый во главѣ, и мы бросимся, безумные и взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ, и туда намъ дорога, потому что насъ только на это вѣдь и хватить. Но больной исцѣлится и сядетъ у ногъ Исусовыхъ“.

Въ своемъ романѣ Достоевскій свелъ счеты съ той эпохой, въ которой ему суждено было жить. „Бѣсы“ — это „Отцы и Дѣти“ — для Достоевскаго. „Петрушка“ не только физическое, но и духовное дѣтище Степана Трофимовича и его поколѣнія. Отцы — Степанъ Трофимовичъ и Кармазиновъ, въ которомъ Достоевскій вывелъ

Тургенева. (На нихъ я и останавливаюсь). Дѣти — кружокъ Верховенскаго — сына, нигилисты, и среди нихъ Ставрогинъ — какъ возможность человѣка. По первоначальному замыслу эпитафъ долженъ былъ относиться къ самому „князю Ставрогину“, Ивану — Царевичу, символу Богоносной Россіи. Этотъ замыселъ былъ оставленъ. Кирилловъ и Шатовъ (а съ другой стороны Петръ Верховенскій) — только эманация Ставрогина, живое воплощеніе его неудавшихся мечтаній.

Идеологию отцовъ выразилъ Степанъ Трофимовичъ: „я въ Бога вѣрую, mais distiguons, я вѣрую какъ въ Существо Себя лишь во мнѣ сознающее. Не могу же я вѣрить какъ моя Настенька (служанка), или какой нибудь баринъ, вѣрующій „на всякій случай.“ Онъ уважаетъ христіанство, но признается: „Я не христіанинъ. Я скорѣе древній язычникъ, какъ великій Гете или какъ древній грекъ. И одно уже то, что христіанство не поняло женщину, что такъ великолѣпно развила Жоржъ—Зандъ, въ одномъ изъ своихъ гениальныхъ романовъ.“ Философское отношеніе къ религіи, гетеанство и жоржъ — зандизмъ—вотъ этапы духовнаго развитія русской интеллигенціи и какъ разъ все то, что было пережито Тургеневымъ. Кармазиновъ заискиваетъ передъ Петромъ Верховенскимъ, въ которомъ чувствуетъ вождя новаго движенія, въ то же время относясь къ нему брезгливо, по барски („неучъ“). Боясь отстать отъ вѣка, Кармазиновъ говоритъ: „ужъ въ русскаго Бога я совсѣмъ не вѣрю. . . Я ни въ кого не вѣрую. Меня оклеветали передъ русской молодежью. Я всегда сочувствовалъ каждому движенію ея. . . Мнѣ лишь нравятся старыя формы „положимъ“ по малодушію; нужно же какъ нибудь дожить вѣкъ.“ Религіозный эстетизмъ и тепленькій пантеизмъ людей 40-хъ годовъ, (по существу своему атеистовъ, несмотря на гегельянствующія фразы о Высшемъ Существомъ) — вотъ

что бичуется Достоевскимъ. Тургеневство — порокъ этого поколѣнія. На ихъ политическіе взгляды и отношеніе къ Россіи гнѣвъ Достоевскаго обрушился съ необыкновенной силой. „Наша національность, если въ самомъ дѣлѣ и „зародилась“, то сидитъ еще въ школѣ, въ нѣмецкомъ какомъ — нибудь петершулѣ, за нѣмецкой книжкой и твердитъ свой вѣчный нѣмецкій урокъ, а нѣмецъ учитель ставитъ на колѣни, когда понадобится“. На западѣ — трудъ, у насъ — праздность. „Мнѣніе за насъ будутъ имѣть тѣ, кто вмѣсто насъ до сихъ поръ работаль, то есть все та же Европа, все тѣ же нѣмцы, двухсотлѣтніе учителя наши. Къ тому же Россія есть слишкомъ великое недоразумѣніе, чтобы намъ однимъ его разрѣшить, безъ нѣмцевъ и безъ труда“. Таково мнѣніе профессора Верховенскаго. Правда, что Кармазиновъ думаетъ о западѣ, какъ о Вавилонѣ, который когда-нибудь (очень не скоро) рухнетъ.

Но Тургеневское мнѣніе о „всеобщей газообразности Россіи“ было, конечно, ему близко. — „У насъ въ Россіи и рушиться нечему, сравнительно говоря, — пародируетъ Достоевскій *Дымъ*. — Упадутъ у насъ не камни, а все расплывется въ грязь. Святая Русь менѣе всего на свѣтѣ можетъ дать отпоръ чему нибудь. Простой народъ еще держится кое — какъ русскимъ Богомъ; но русскій Богъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, весьма неблагонадеженъ“.

Отношеніе Тургенева къ революціонной молодежи видно (кромѣ какъ изъ Нови) изъ *Порога* и изъ переписки съ однимъ террористомъ. Переписка эта была позже, но врядъ ли во взглядахъ его могли произойти въ этомъ смыслѣ большія измѣненія. Его близость съ Герценомъ и Бакунинымъ — говорятъ за то. И вотъ въ этой перепискѣ Тургеневъ говоритъ, что изувѣрство правительства дѣлаетъ нашу молодежь святыми и мучениками. По-

степеновець, онъ помогаетъ революціонеру выпустить его трудъ о преступленіяхъ царя, уважая свободу чужихъ убѣжденій. Достоевскій какъ бы предсказалъ такое поведеніе Тургенева.

Германофильство Кармазинова — Тургенева изображено въ *Бѣсахъ* достаточно выпукло: „я. . . сижу вотъ уже седьмой годъ въ Карлсруэ. И когда прошлаго года городскимъ совѣтомъ положено было проложить новую водосточную трубу, то я почувствовалъ въ своемъ сердцѣ, что этотъ карлсруйскій водосточный вопросъ милѣе и дороже для меня всѣхъ вопросовъ моего милого отечества. . . за все время такъ называемыхъ здѣшнихъ реформъ“. Когда его укоряютъ въ мистификаціи, указывая на его чуткость къ современной жизни, онъ засюсюкаетъ въ отвѣтъ: — „Да, я, конечно, выставилъ въ типѣ Погожева всѣ недостатки славянофиловъ, а въ типѣ Никодимова—всѣ недостатки западниковъ.“ Эта фраза взята изъ Тургеневскихъ литературныхъ воспоминаній: „Я коренной, неисправимый западникъ — говорится въ нихъ — вывелъ въ лицѣ Паншина (въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ*) всѣ комическія и пошлыя стороны западничества“. Три обвиненія майковского письма: атеизмъ, руссофобство и германофильство, это обвиненія, предъявленныя въ *Бѣсахъ* всему Тургеневскому поколѣнію. Кармазиновъ не былъ „навѣтомъ“ на Тургенева, какъ это обычно полагаютъ, — но художественной гипертрофизаціей эмпирической личности Тургенева — въ сторону для него наиболѣе уязвимую*). Почти всѣ кармазиновскія черточки можно возвести къ Тургеневу, понятому подъ угломъ того опредѣленнаго пристрастія, какое питалъ къ нему Достоевскій.

*) Всѣ „недостатки“ Тургенева съ пристрастіемъ собралъ Бор. Садовской. (Р. Арх. IV. 1909) Характерно предисловіе къ его статьѣ — уже извѣстнаго намъ Бартенава.

Я интересуюсь не тѣмъ, какимъ Тургеневъ *былъ*, а какимъ онъ *казался*. И потому приведу въ параллель наблюденія Достоевскаго, отзывы другихъ лицъ, не забываясь провѣркой ихъ. Многое въ Тургеневѣ не могло быть извѣстно Достоевскому, но онъ художественно угадывалъ его до тонкости. Кармазиновъ это Тургеневъ — какимъ его Достоевскій хотѣлъ понимать, органически противный ему образъ, продуктъ отталкиванія.

Самая фамилія *Кармазиновъ*, отъ „кармазинный“ (cramoisi) — багровый, намекаетъ на сочувствіе этого „нувеллиста“ краснымъ. Кто прослѣживалъ скрытое значеніе фамилій у Достоевскаго, тотъ врядъ ли допустить здѣсь дѣло случая.*) Внѣшній обликъ Кармазинова не всегда напоминаетъ Тургенева. „Очень невысокій старичекъ“ — это не Тургеневъ, не „doux géant“ — какъ его звали во Франціи. Но описаніе „не совсѣмъ красиваго“ лица, особенно мясистый носъ, говоритъ о сходствѣ. „Я ничего не вижу Юпитеровскаго въ его лицѣ! Просто хорошее лицо, довольно слабое и даже не очень красивое“ — пишетъ о Тургеневскомъ лицѣ графъ Алексѣй Толстой. У Кармазинова — „округлыя части начала ногъ“. Это тѣ „виляющія демократическія ляжки“, которыя бѣсили въ Тургеневѣ Льва Толстого. Кармазиновъ какъ, и Тургеневъ, страшно мнителенъ, всегда боится заболѣть.**)

*) Вяч. Ивановъ производить *Ставрогинъ* отъ *стаудоз*, чтобы доказать „крестоносность“ Ставрогина (Р. М. IV, 1914). Опытъ анализа фамиліи *Халюпкина* у Толстого произвелъ Горнфельдъ: фамиліи у художниковъ — богатая неразработанная тема.

**) Тургеневъ — Колбасину:

Злая холера
Гнусную трусость
Мнѣ по привычкѣ
Въ сердце вдохнула,
Я убѣжалъ.

—Кармазиновъ: — „я хочу износиться какъ можно позже и теперь перебираюсь за границу совсѣмъ; тамъ и климатъ лучше, и строеніе, и все крѣпче“. Страхъ передъ холерой развился у Тургенева послѣ того, какъ онъ перенесъ легкую форму этой болѣзни.

То, что онъ — „почитаеть себя великимъ, „надутая тварь“, — можно сопоставить съ „генеральствомъ ужаснымъ“ въ майковскомъ письмѣ. (Въ надменности обвиняли Тургенева Фетъ, Головачева-Панаева и Штáкеншнейдеръ, назвавшая его „мастеромъ высокомѣрія“).

Характеристика Кармазинова — „исписавшійся глупецъ“, „старая исписавшаяся баба“ — напоминаетъ отрывъ Достоевскаго о Тургеневѣ въ письмахъ Страхову: „великая художественная способность его ослабѣла, и онъ самый исписавшійся изъ всѣхъ исписавшихся русскихъ писателей“.

Упоительное впечатлѣніе Достоевскаго отъ первыхъ тургеневскихъ произведеній, особенно *Записокъ Охотника*, отражено тоже:

„Его повѣсти и рассказы извѣстны всему прошлому и даже нашему поколѣнію; я же упивался ими; они были наслажденіемъ моего отрочества и моей молодости. Потомъ я нѣсколько охладѣлъ къ его перу; повѣсти съ направленіемъ, которыя онъ все писалъ въ послѣднее время, мнѣ уже не нравились. Вообще говоря, если осмѣлюсь выразить и мое мнѣніе въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, всѣ эти наши господа таланты средней руки, принимаемые по обыкновенію, при жизни ихъ, чуть не за геніевъ, — не только исчезаютъ чуть не безслѣдно и какъ то вдругъ изъ памяти людей, когда умираютъ, но случается, что даже и при жизни ихъ, чуть лишь подрастетъ новое поколѣніе, смѣняющее то, при которомъ они дѣйствовали, — забываются и пренебрегаются всѣми непостижимо скоро. Какъ то это вдругъ у насъ происходитъ, точно перемѣна декораціи на театрѣ. О, тутъ совсѣмъ не то, что съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Мольеромъ, Вольтеромъ, со всѣми этими дѣятелями, приходившими сказать свое новое слово! Правда и то, что и сами эти господа таланты средней руки, на склонѣ почтенныхъ

лѣтъ своихъ, обыкновенно самымъ жалкимъ образомъ у насъ исписываются, совсѣмъ даже и не замѣчая того. Нерѣдко оказывается, что писатель, которому долго приписывали чрезвычайную глубину идей и отъ котораго ждали чрезвычайнаго и серьезнаго вліянія на движеніе общества, обнаруживаетъ подъ конецъ такую жидкость и такую крохотность своей основной идейки, что никто даже не жалѣетъ о томъ, что онъ такъ скоро умѣлъ исписаться. Но сѣдые старички не замѣчаютъ того и сердятся. Самолюбіе ихъ, именно подъ конецъ ихъ поприща, принимаетъ иногда размѣры, достойные удивленія. Богъ знаетъ, за кого они начинаютъ принимать себя — по крайней мѣрѣ за боговъ. Про Кармазинова рассказывали, что онъ дорожить связями своими съ сильными людьми и съ обществомъ высшимъ чуть не больше души своей. Рассказывали, что онъ васъ встрѣтитъ, обласкаетъ, прельститъ, обворожитъ своимъ простодушіемъ, особенно если вы ему почему-нибудь нужны и, ужъ разумѣется, если вы предварительно были ему зарекомендованы. Но при первомъ князѣ, при первой графинѣ, при первомъ челоуѣкѣ, котораго онъ боится, онъ почтетъ священнѣйшимъ долгомъ забыть васъ съ самымъ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, какъ щепку, какъ муху, тутъ же, когда вы еще не успѣли отъ него выйти; онъ серьезно считаетъ это самымъ высокимъ и прекраснымъ тономъ. Несмотря на полную выдержку и совершенное знаніе хорошихъ манеръ, онъ до того, говорятъ, самолюбивъ, что никакъ не можетъ скрыть своей авторской раздражительности и въ тѣхъ кругахъ общества, гдѣ мало интересуются литературой. Если же случайно кто нибудь озадачивалъ его своимъ равнодушіемъ, то онъ обижался болѣзненно и старался отомстить“.

Нѣкоторыя мелкія черты передаютъ въ Кармази-

новъ Тургенева. Его эстетизмъ и любовь къ Теньеру*), его возня съ продажею земли и пискливый голосъ, его „аристократически фарисейское лобзаніе“ — „характерная привычка русскихъ людей, если они слишкомъ ужъ знамениты“. Лобзаніе описано съ безпощадной язвительностью: „Петръ Степановичъ помнилъ по бывшему уже опыту, что онъ лобызаться то лѣзеть, а самъ подставляетъ щеку, а потому сдѣлалъ на сей разъ тоже самое; обѣ щеки встрѣтились. Кармазиновъ, не показывая вида, что замѣтилъ это, усѣлся на диванъ и съ пріятностью указалъ Петру Степановичу на кресло противъ себя“. Затѣмъ онъ кушаетъ котлетку, не подчужая своего гостя. Живетъ онъ у какихъ то родственниковъ, подъ присмотромъ нѣкой старухи, до того передъ нимъ благоговѣвшей, что она даже разъ отправила хозяевамъ своимъ телеграмму съ извѣстіемъ, что Кармазиновъ „послѣ званнаго обѣда у градскаго головы, принужденъ былъ принять ложку одного лѣкарства“.

Современники видѣли въ этомъ описаніи баденскую жизнь Тургенева у Віардо, но видѣли не вѣрно.

* * *

Въ *Бѣсахъ* приводится содержаніе Кармазиновскаго разсказа: „Съ годъ тому назадъ я читалъ въ журналѣ статью его, написанную съ страшной претензіей на самую наивную поэзію и при этомъ на психологію. Онъ описывалъ гибель одного парохода, гдѣ то у англійскаго берега, чему самъ былъ свидѣтелемъ и видѣлъ, какъ

*) Передъ приходомъ Кармазинова вѣшаютъ на стѣнку Теньера подъ портретомъ Гете; интересно, что въ статьѣ о *Фаустѣ Гете* Тургеневъ сравниваетъ двѣ сцены этого произведенія съ картинками Теньера и Остаде. Заключение Кармазинова о Сикстинской Мадоннѣ, что ее понять трудно, навѣяны взглядами Базарова на Рафаэля. Тургеневъ безусловно ихъ не раздѣляя (о чемъ онъ говорилъ Крапоткину).

спасали погибавшихъ и вытаскивали утопленниковъ. Вся статья эта, довольно длинная и многорѣчивая, написана была единственно съ цѣлью выставить самого себя. Такъ и читалось между строками: „интересуйтесь мною, смотрите, каковъ я былъ въ эти минуты. Зачѣмъ вамъ это море, буря, скалы, разбитыя щепки корабля? Я вѣдь достаточно описалъ вамъ все это моимъ могучимъ перомъ. Чего вы смотрите на эту утопленницу съ мертвымъ ребенкомъ въ мертвыхъ рукахъ? Смотрите лучше на меня, какъ я не вынесъ этого зрѣлища и отъ него отвернулся. Вотъ я сталъ спиной; вотъ я въ ужасѣ и не въ силахъ оглянуться назадъ; я жмурю глаза—не правда ли, какъ это интересно“. . . Не трудно узнать въ этомъ разсказѣ пожаръ на морѣ, который испыталъ юноша Тургеневъ, съ прибавленіемъ къ нему впечатлѣнія, вынесеннаго отъ *Казни Тропмана*. Выяснимъ себѣ нѣсколько поведеніе Тургенева во время этого пожара.

Его мать писала ему въ 1839 г.: „почему могли замѣтить на пароходѣ однѣ твои lamentаціи. . . Слухи всюду доходятъ!— и миѣ уже многіе говорили къ большому моему неудовольствію... *Ce gros monsieur Tourgueneff qui se lamentoit tant, qui disoit mourir si jeune...* Какая то Толстая... Какая то Голицына... И еще, и еще... Тамъ дамы были, матери семействъ.—Почему же о тебѣ разсказываютъ. Что ты *gros monsieur* — не твоя вина, но! — что ты трусилъ, когда другіе въ тогдашнемъ страхѣ могли замѣтить. . . это оставило на тебѣ пятно, ежели не безчестное, то *ридикюльное*. Согласись.“ Не задолго до появленія *Бьсовъ* о поведеніи Тургенева, во время пожара, въ петербургскихъ кругахъ заговорили снова. Головачева-Панаева, которой будто бы Тургеневъ хвастался, что онъ не потерялъ присутствія духа: успокаивалъ плачущихъ женщинъ и ободрялъ ихъ мужей, — не приминула, конечно, разсказать о томъ, какъ, по словамъ одного ея знакома-

го, капитанъ парохода наказаль Тургенева за то, что тотъ толкаль всёхъ, желая сѣсть въ спущенную лодку первымъ, и надоѣдалъ жалобными восклицаніями: „*moi gr si jeune*“. Описание этого случая появилось во французскихъ мемуарахъ Князя Петра Долгорукова и на него отозвались *С.-Петербургскія Вѣдомости**).

Тургеневъ былъ вынужденъ опровергнуть это сообщеніе: „Я и прежде зналь, что Князю П. В. Долгорукову заблагоразсудилось выкопать старый анекдотъ о томъ, какъ 30 лѣтъ тому назадъ (въ маѣ 1838 г.), я находясь на „Николаѣ I“ сгорѣвшемъ близъ Травемюнде, кричалъ: „спасите меня, я единственный сынъ у матери!“ (Острота тутъ должна состоять въ томъ, что я назваль себя единственнымъ сыномъ, тогда какъ у меня есть братъ). Близость къ смерти могла смутить девятнадцатилѣтняго мальчика, и я не намѣренъ увѣрять читателя, что я глядѣль на нее равнодушно, но означенныхъ словъ, сочиненныхъ на другой день однимъ остроумнымъ княземъ (не Долгоруковымъ), я не произнесъ“.

Это „письмо въ редакцію“ Достоевскому, конечно, было извѣстно.

Въ предчувствіи смерти передъ Тургеновымъ еще разъ пронеслось яркое событіе его юности и оно записано съ его словъ: „Я помню, что схватилъ руку матроса и обѣщаль ему десять тысячъ отъ имени матушки, если ему удастся спасти меня“ — признается онъ. И въ то же время онъ рисуется передъ богобоязненной старушкой, увѣрять ее, что онъ хочеть наложить на себя руки. Въ лодку онъ попадаетъ первымъ, хотя ведетъ себя какъ рыцарь.

* ВЪ Слб. Вѣд. отъ 7 іюля 1868 г. (№ 183) говорится, что Ки: Долгоруковъ (котораго „избѣгали за границей бывшіе пріатели его“) „разсказываетъ совершенно невѣроятный анекдотъ, будто г. Тургеневъ, находясь на пароходѣ, на которомъ сдѣлался пожаръ, потеряль присутствіе духа и кричалъ: „Ради Бога, дайте мнѣ спастись — я единственный сынъ у матери“.

Кармазиновъ не вынесъ зрѣлища смерти и отвернулся.

Тургеневъ пишетъ въ одномъ письмѣ 60-хъ годовъ: „Естественность смерти гораздо страшнѣе ея внезапности или необычайности. Но сама религія должна стать естественной потребностью въ человѣкѣ, а у кого ея нѣтъ, тому остается только съ легкомысліемъ или съ стоицизмомъ (въ сущности это все равно) отворачивать глаза“. Тутъ мы опять прикасаемся къ самымъ глубинамъ тургеневскаго міровоззрѣнія. Смерть приходитъ извнѣ и религія должна прійти извнѣ, а не я *самъ* прихожу къ ней. Отъ смерти можно только отвернуться. Онъ такъ и поступаетъ, когда отрубаютъ голову Тропану. Зачѣмъ же онъ пошелъ тогда на зрѣлище казни, почему не отказался отъ него? — Отъ безволія. „Ложный стыдъ помѣшалъ мнѣ это сдѣлать“... — говоритъ онъ. — „А ну, какъ подумаютъ, что я трушу? Въ наказаніе самому себѣ — и въ назиданіе другимъ — я намѣренъ теперь рассказать все, что я видѣлъ, намѣренъ повторить въ воспоминаніи всѣ тяжелыя впечатлѣнія той ночи. Быть можетъ — не одно любопытство читателя будетъ удовлетворено: быть можетъ, онъ извлечетъ нѣкоторую пользу изъ моего разсказа“. Такой утилитарно-психологическій подходъ бѣсилъ Достоевскаго, который самъ былъ приговоренъ къ казни и написалъ о ней въ *Идиотъ*. Ему почудилось здѣсь одно только „переживаніе“, что то только эстетическое и оно оскорбило его этику. Оттого бичуется Кармазиновъ, оттого въ письмѣ Достоевскій восклицаетъ: „человѣкъ на поверхности земной не имѣетъ права отвертываться!“ Самый моментъ казни у Тургенева разсказанъ съ точки зрѣнія смотрящаго, а не того, кто умираетъ, и Достоевскій, которому близка была психологія умирающаго, не могъ этого вынести, такого отношенія „какъ къ спектаклю“.

Пожаръ на морь былъ сюжетомъ кармазиновскаго разсказа, *Казнь Тропмана* — его мотивомъ.

* * *

Поищемъ прототиповъ къ другому кармазиновскому разсказу — *Merci*. Начинается этотъ разсказъ такъ: „Есть, дескать, такія строки, которыя до того выпѣваются изъ сердца, что и сказать нельзя, такъ что этакую святыню никакъ нельзя нести въ публику. . . но такъ какъ сверхъ того онъ кладетъ перо навѣки и поклялся больше не писать, то ужъ такъ и быть написалъ эту послѣднюю вещь; и такъ какъ онъ поклялся ни за что и ничего никогда не читать публикѣ“ и т. д. и т. д. все въ этомъ родѣ. Конецъ по смыслу связанъ съ вступленіемъ: „Да, другъ читатель, прощай!“ началъ онъ. . . „Прощай, читатель, даже не очень настаиваю, чтобы мы разстались друзьями: къ чему въ самомъ дѣлѣ тебя беспокоить? Даже брани, о, брани меня, сколько хочешь, если тебѣ это доставить какое-нибудь удовольствіе. Но лучше всего, если бы мы забыли другъ друга навѣки. И если бы всѣ вы, читатели, стали вдругъ настолько добры, что, стоя на колѣняхъ, начали упрашивать со слезами: „Пиши, о, пиши для насъ, Кармазиновъ, — для отечества, для потомства, для лавровыхъ вѣнковъ“, — то и тогда бы я вамъ отвѣтилъ, разумѣется, поблагодаривъ со всею учтивостью: „Нѣтъ ужъ, довольно мы повозились другъ съ другомъ, милые соотечественники, merci! Пора намъ въ разныя стороны! Merci, merci, merci!“

Выдержки изъ статьи Тургенева „По поводу *Отцовъ и Дѣтей*“, которыя могли послужить прототипомъ: „Но довольно говорить обо мнѣ — и пора прекратить эти отрывочныя воспоминанія, которыя, боюсь, мало удовлетворяютъ читателей. Мнѣ хочется только, передъ про-

щаніемъ, сказать нѣсколько словъ моимъ молодымъ соотечественникамъ, моимъ братьямъ, вступающимъ на скользкое поприще литературы. Я уже объявилъ однажды и готовъ повторить, что не ослѣплюсь на счетъ моего положенія. Мое двадцатипятилѣтнее „служеніе музамъ“ окончилось среди постепеннаго охлажденія публики — и я не предвижу причины, почему бы она снова согрѣлась. Наступили новыя времена, нужны новые люди; литературные ветераны подобны военнымъ — почти всегда инвалиды — и благо тѣмъ, которые во-время умѣютъ сами подать въ отставку! Не наставническимъ тономъ, на который я, впрочемъ, не имѣю никакого права — намѣренъ я произнести мои прощальныя слова, а тономъ стараго друга, котораго выслушаютъ съ полуснисходительнымъ, полу-нетерпѣливымъ вниманіемъ, если только онъ не впадаетъ въ излишнее разглагольствованіе“. . . „Кладу перо. . . Еще одинъ послѣдній совѣтъ молодымъ литераторамъ и одна послѣдняя просьба. Друзья мои, не оправдывайтесь никогда, какую бы ни возводили на васъ клевету; не старайтесь разяснить недоразумѣнія, не желайте ни сами сказать, ни услышать „послѣднее слово“. Дѣлайте свое дѣло, а то все перемелится. . . Но довольно, а то я самъ выпадаю въ многорѣчивость. 1868-9. Бадень — Бадень“.*)

*) Въ 1878 г. на предложеніе сотрудничать въ одной провинціальной газетѣ Тургеневъ отвѣтилъ: „Если бы г. Д. Д. предложилъ брать мои статьи даже на вѣсь брильянтовъ, не говорю золота, все-таки я бы не могъ удовлетворить его, ибо прекратилъ безусловно всякую литературную дѣятельность“. Въ духѣ и стилѣ приведенной статьи объ *Отцахъ и Дѣтяхъ* — статья о *Полонскомъ* (1870 г.); г. г. критики злобствуютъ вслѣдствіе собственнаго безсилія“. . . „Никто въ своемъ дѣлѣ не судья; да и въ концѣ концовъ мнѣ на критику слишкомъ жаловаться нечего. Правда, въ послѣднее время я самъ себя напоминаю тѣ турецкія головы, о которыя посѣтители народныхъ гуляній пробуютъ силы ударомъ кулака: не было ни одного начинающаго критика, который не попыталъ бы надо мной своего размаха. . . и то не былъ „размахъ безъ удара“, по выраженію Бѣлинскаго, напротивъ, иной билъ

О произведеніи Кармазинова говорится:

„Тема. . . но кто ее могъ разобратъ эту тему? Это былъ какой то отчетъ о какихъ то впечатлѣніяхъ, какихъ то воспоминаніяхъ. Много говорилось о любви, о любви генія къ какой то особѣ, но признаюсь, это вышло нѣсколько неловко. Къ небольшой толстенькой фигуркѣ геніальнаго писателя какъ то не шло бы рассказывать, на мой взглядъ, о своемъ первомъ поцѣлуѣ. И, что опять таки обидно, эти поцѣлуи происходили какъ то не такъ, какъ у всего челоѣчества. Тутъ непремѣнно кругомъ растеть дрокъ или какая нибудь такая трава, о которой надобно справляться въ ботаникѣ“ *).

Въ 1869 г. въ *С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* было помѣщено содержаніе одной тургеневской сказочки, въ которой колдунъ Каракамишъ „требуеть траву „Моли“, въ *Призракахъ* „пахло. . . зорей — травой“, въ *Довольно* „цвѣтъ кактуса“. Достоевскій зло насмѣхается надъ такою изысканностью: „мы сидѣли подъ агатовымъ деревомъ“. . . „изумруднымъ деревомъ“. . . „кругомъ растеть вохра“. . .

Дальше въ „*Merci*“ — издѣвательство надъ красочными эффектами у Тургенева: „При этомъ на небѣ непремѣнно какой то фіолетовый оттѣнокъ, который, конечно, никто никогда не примѣчалъ изъ смертныхъ, то есть и всѣ видѣли, но не умѣли примѣтить, а вотъ, дескать, я подглядѣлъ и описываю вамъ, дуракамъ, какъ самую обыкновенную вещь“. Дерево, подъ которымъ усѣлась интересная пара, непремѣнно какого нибудь „оранжеваго цвѣта“. Въ *При-*

очень ловко и мѣтко. (*Прим. Тург.*) Именно теперь, по поводу моихъ *Литературныхъ Воспоминаній* кажется, снова поднимается знатная травля. . . „На здоровье, господа!“ Тургеневъ (см. II гл.) самъ писалъ Достоевскому: „пера въ руки не беру“.

*) *Дрокъ* (*Genista*) — кустарникъ изъ сем. мотыльковыхъ, водится въ Евр. Россіи. Отъ него получила свое названіе династія „Планта генетовъ“ (*Planta genista*).

зракахъ: „весь воздухъ внезапно наполнился какимъ то почти неестественнымъ багрянцемъ: листья и травы, словно покрытыя свѣжимъ лакомъ, не шевелились“. . . „Какой то дымчато-голубой, серебристо-мягкій не то свѣтъ, не то туманъ — обливалъ меня со всѣхъ сторонъ“. Въ *Довольно*: среди серебристыхъ тополей „тесовая крыша господскаго дома съ тонкимъ завиткомъ алаго дыма надъ бѣлой трубой*). Въ „*Merci*“ — о парочкѣ: „Сидятъ они гдѣ то въ Германіи. Вдругъ они видятъ Помпея или Кассія наканунѣ сраженія и обоихъ пронизываетъ холодъ восторга“. . . „и вдругъ изъ тумана, въ лавровомъ вѣнкѣ, надъ кровлями Рима появился Анкъ-Марцій. Ознобъ восторга охватилъ наши спины“. . . Въ *Призракахъ* при словахъ: „*Divus Caius Iulius Caesar*“: „голова блѣдная, строгая, въ лавромъ вѣнкѣ, съ опущенными вѣками, голова императора стала медленно выдвигаться изъ — за развалины“. Впечатлѣніе отъ видѣнія: „На языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ для выраженія ужаса, который сжалъ мое сердце. Мнѣ казалось, что раскрой эта голова свои глаза, разверзни свои губы—и я тотчасъ же умру“**).

*) Любовь Тургенева къ красочнымъ подробностямъ окрѣпла въ немъ подъ вліяніемъ Флобера, а у нихъ обоихъ подъ вліяніемъ т. наз. барбизонской школы, съ Коро во главѣ, такъ двинувшей впередъ всю пейзажную живопись XIX вѣка. Пейзажъ у Достоевскаго — почти всегда слабъ (напримѣръ, пейзажъ первой редакціи *Маленькаго Героя*, потомъ выкинутый въ собраніяхъ сочиненій); выходитъ у него чудесно либо пейзажъ городской, петербургскій (въ *Бѣлыхъ Ночахъ*, *Идиотъ*), либо иконописно — отвлеченный (какъ тотъ, что открывается Алешѣ, въ главѣ „Бракъ къ Канѣ Галилейской“). Тургеневъ и Достоевскій въ въ пейзажѣ—совсѣмъ разныхъ школъ. Это происходитъ опять таки потому, что Достоевскому важно я, человѣкъ, а Тургеневу не я, среда-пейзажъ.

**) Анненковъ не случайно назвалъ *Призраки*— автобіографіей. Когда еще въ 1840 г. Тургеневъ прокричалъ слова: *Caius Iulius Caesar*, передъ одной изъ римскихъ развалинъ и эхо ему отвѣтило стономъ — Станкевичъ, уже близкій къ смерти, поблѣднѣлъ и сказалъ съ какимъ то страннымъ выраженіемъ: зачѣмъ вы это сдѣлали? (Этотъ случай, имѣвшій и для Тургенева очевидный особый смыслъ не былъ отмѣченъ въ литературѣ. . . Ср. *Призраки какъ исповѣдь* Андреевой, В. Евр. IX, 1904).

Не меньшій ужасъ отъ видѣнія Стеньки Разина, вызваннаго роковыми словами: „Сарынь на Кичку“: „я зналъ заранѣе, что въ отвѣтъ на нихъ появится, какъ въ Волчьей Долинѣ Фрейшица, что-то чудовищное“. Въ связи съ Фрейшицомъ должно быть въ „Мерсі“: „какая то русалка запищала въ кустахъ. Глюкъ заигралъ въ тростникъ на скрипкѣ. Пьеса, которую онъ игралъ, названа en toutes lettres, но никому не извѣстна, такъ что объ ней надо справляться въ музыкальномъ словарѣ“. Глюка, съ большой любовью, Тургеневъ поминаетъ только въ письмахъ*). Въ *Призракахъ*: „жалобно прозвенѣла струна“. Въ *Шварцвальдѣ*: „Мнѣ чудятся другіе звуки, длинные, томные, подобные звукамъ Эоловой Арфы“.

Въ *Довольно* проявилась страсть Тургенева къ собственнымъ именамъ и цитатамъ. Мы встрѣтимъ: Паскаля, Бетховена, Рюнедаля, Гете, Софокла, Аристофана, Фидіаса, Апеллеса, ссылку на Шиллера, цитату изъ *Фауста*, изъ *Макбета* (съ указаніемъ: „актъ V-й, сцена 5-я“), изъ *Короля Лира*, *Гамлета* (The rest is silence“), наконецъ замѣчаніе: „не страшна Гофмановщина“. Это обычный Тургеневскій пріемъ: напомнимъ цитату изъ Катутла съ указаніемъ стиха въ *Дымъ*. Неудивительно, что въ „Мерсі“: „опять за клубился туманъ, явился Гофманъ, просвистала изъ Шопена русалка“. Туманъ есть въ *Призракахъ*: Эллисъ — „соткана изъ полупрозрачнаго молочнаго тумана“. Передъ смертью она „безжизненный, туманный призракъ“. Гладь пруда: „съ кое гдѣ приставшими волокнами тумана“, „не то свѣтъ, не то туманъ обливаль меня“. „Туманъ передъ моими глазами разсѣялся“. Въ „Мерсі“: „Межъ тѣмъ за клубился туманъ,

*) „Хорошо ли вы знаете Глюка?“ — спрашиваетъ Тургеневъ Гр. Толстую (жену поэта) и говоритъ, что сцена между Армидой и богомъ ненависти „одна изъ самыхъ удивительныхъ вещей, которыя я слышалъ“. (В. Е. I, 1908, с. 210).

такъ заклубился, такъ заклубился, что болѣе похожъ на миллионъ подушекъ, чѣмъ на туманъ“. И вдругъ все исчезаетъ, и великій геній переправляется зимой, въ оттепель, черезъ Волгу. Двѣ съ половиной страницы переправы, но все-таки попадетъ въ прорубь. Геній тонетъ, — вы думаете, утонулъ? И не думалъ: это все для того, что когда онъ уже совсѣмъ утопалъ и захлебывался, то передъ нимъ мелькнула льдинка, крошечная льдинка, съ горошинку, но чистая и прозрачная, „какъ замороженная слеза“ и въ этой льдинкѣ отразилась Германія или, лучше сказать, небо Германіи, и радужной игрой своею отраженіе напомнило ему ту самую слезу, которая „помнишь, скатилась изъ глазъ твоихъ, когда мы сидѣли подъ изумруднымъ деревомъ,

ты воскликнулъ радостно: „Нѣтъ преступленія!“ — „Да, сказалъ я сквозь слезы, но коли такъ, то вѣдь нѣтъ и праведниковъ“. „Мы зарыдали и разстались навѣки“. — Она куда-то на берегъ моря, онъ въ какія то пещеры.... Въ *Довольно*: „Это было въ концѣ марта, передъ Благовѣщеніемъ, вскорѣ послѣ того, какъ я въ первый разъ тебя увидѣлъ — и еще не подозрѣвая, чѣмъ ты станешь для меня — уже носилъ тебя въ сердцѣ безмолвно и тайно. — Мнѣ пришлось переѣзжать одну изъ главныхъ рѣкъ Россіи. Ледъ еще не тронулся на ней — но какъ будто вспухъ и потемнѣлъ: четвертый день стояла оттепель. Снѣгъ таялъ кругомъ дружно, но тихо; вездѣ сочилась вода; въ рыхломъ воздухѣ бродилъ беззвучный вѣтеръ. Одинъ и тотъ же ровный молочный цвѣтъ обливалъ землю и небо: тумана не было, но не было и свѣта; ни одинъ предметъ не выдѣлялся на общей бѣлизнѣ; все казалось и близкимъ, и неяснымъ. Оставивъ свою кибитку далеко назадъ, я быстро шелъ по льду рѣчному и, кромѣ глухого стука собственныхъ шаговъ, не слышалъ ничего; я шелъ со всѣхъ сторонъ охвачен-

ный первымъ млѣніемъ и вѣяніемъ ранней весны... и, понемногу, прибавляясь съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ движеніемъ впередъ, поднималась и росла во мнѣ какая то радостная, непонятная тревога... Она увлекала, она торопила меня — и такъ сильны были ея порывы, что я остановился, наконецъ, въ изумленіи и вопросительно посмотрѣлъ вокругъ, какъ бы желая отыскать внѣшнюю причину моего восторженнаго состоянія... Все было тихо, бѣло, сонно; но я поднялъ глаза: высоко на небѣ неслись станицей перелетныя птицы... „Весна! Здравствуй, весна!“ — закричалъ я громкимъ голосомъ: — „Здравствуй, жизнь и любовь, и счастье! — и въ то же мгновеніе, съ сладостно-потрясающей силой, подобно цвѣту кактуса, внезапно вспыхнулъ во мнѣ твой образъ, вспыхнулъ и сталъ очаровательно яркій и прекрасный — и я понялъ, что я люблю тебя, тебя одну, что я весь полонъ тобою“.

Самые обороты „Мерсі“ пародируютъ *Довольно*. Въ „Мерсі“: „слезу, которая, помнишь, скатилась“. . . Въ *Довольно*: „закутанныя фигуры аѳинскихъ ѳеорій, которыми, помнишь? — мы такъ любовались на древнихъ барельефахъ Ватикана“, или: „большія тихія лодки — на одной изъ нихъ — помнишь? — стояла лошадь“.

О преступленіи. Въ „Мерсі“: „ты воскликнула радостно: „Нѣтъ преступленія!“ „Да, сказалъ я сквозь слезы, но коли такъ, то вѣдь нѣтъ и праведниковъ“. Мы зарыдали и разстались навѣки“. . . Въ *Довольно*: „Шекспиръ опять заставилъ бы Лира повторить свое жестокое: „нѣтъ виноватыхъ“, — что другими словами значитъ: „нѣтъ и правыхъ“ — и тоже бы промолвилъ: довольно! и то же бы отвернулся“.

О Германіи. Въ „Мерсі“: „и въ этой льдинкѣ отразилась Германія, или, лучше сказать, небо Германіи“... „этотъ вздохъ напомнилъ ему ея первый вздохъ,

тридцать семь лѣтъ назадъ, когда, помнишь, въ Германіи, мы сидѣли подъ агатовымъ деревомъ, и ты сказала мнѣ: „къ чему любить? Смотри, кругомъ растетъ вохра, и я люблю, но перестанетъ расти вохра, и я разлюблю“. . . Въ *Довольно*: „мы гуляли съ тобою по пустынному, еще не отцвѣтшему саду заброшеннаго дворца, на берегу великой не русской рѣки, при кроткомъ сіяніи безоблачнаго неба. О, какъ передать тѣ ощущенія! . . . Эта безконечно текущая рѣка, эта безлюдность и какая-то упоительная грусть, и колыханіе счастья, незнакомый однообразный городъ, осеніе крики галокъ въ высокихъ, свѣтлыхъ деревьяхъ — и эти ласковыя рѣчи и улыбки, и взгляды, долгіе, мягкіе, до дна доходящіе, и красота въ самихъ насъ, кругомъ, повсюду — это выше словъ“.

Далѣе въ „*Merci*“: „и вотъ онъ спускается, спускается, три года спускается въ Москвѣ подъ Сухаревой башней, и вдругъ, въ самыхъ нѣдрахъ земли, въ пещерѣ находитъ лампадку, а передъ лампадкой схимника. Схимникъ молится. Геній приникаетъ къ крошечному рѣшетчатому оконцу и вдругъ слышитъ вздохъ. Вы думаете, это схимникъ вздохнулъ? Очень ему надо вашего схимника! Нѣтъ — съ, просто за-просто этотъ вздохъ напомнилъ ему ея первый вздохъ“. . . и т. д. Въ *Довольно*: „Помнится, однажды, поздней ночью, въ Москвѣ, я подошелъ къ рѣшетчатому окну старенькой церкви и прислонился къ неровному стеклу. Было темно подъ низкими сводами — позабытая лампадка едва теплилась краснымъ огонькомъ передъ древнимъ образомъ — и смутно виднѣлись однѣ только губы святого лика — строгія, скорбныя; угрюмый мракъ надвигался кругомъ, готовился подавить своею глухою тяжестью слабый лучъ ненужнаго свѣта. . . И въ сердцѣ моемъ теперь такой же свѣтъ и такой же мракъ“. . . Въ „*Merci*“ переходъ къ „ея вздоху;“ въ *До-*

вольно слѣдующій отрывокъ начинается: „И это я пишу тебѣ, мой единственный и незабвенный другъ, тебѣ, моя дорогая подруга, которую я покинулъ навсегда, но которую не перестану любить до конца моей жизни“. . . Конецъ „Merci“: „что за страсть у нашихъ великихъ умовъ къ каламбурамъ въ высшемъ смыслѣ! Великій европейскій философъ, великій ученый, изобрѣтатель, труженникъ, мученикъ — всѣ эти страждущіе и обремененные для нашего русскаго великаго генія рѣшительно вродѣ поваровъ у него на кухнѣ. Онъ баринъ, а они являются къ нему съ колпаками въ рукахъ и ждутъ приказаній. Правда, онъ надменно усмѣхается и надъ Россіей, и ничего нѣтъ пріятнѣе ему, какъ объявить банкротство Россіи во всѣхъ отношеніяхъ передъ великими умами Европы, но что касается его самого — нѣтъ — съ, онъ уже надъ этими великими умами возвысился: всѣ они лишь матерьялъ для его каламбуровъ. Онъ беретъ чужую идею, приплетаеъ къ ней ея антитезъ, и каламбуръ готовъ. Есть преступленіе, нѣтъ преступленія; правды нѣтъ, праведниковъ нѣтъ; атеизмъ, дарвинизмъ, московскіе колокола.. Но. увы, онъ уже не вѣритъ въ московскіе колокола; Римъ, лавры. . . Но онъ даже не вѣритъ въ лавры. . . Тутъ казенный припадокъ Байроновской тоски, гримаса изъ Гейне, что-нибудь изъ Печорина, — и пошла, и пошла, засвистала машина. . . „А, впрочемъ, похвалите, похвалите, я вѣдь это ужасно люблю; я вѣдь это только такъ говорю, что кладу перо; подождите, я еще вамъ триста разъ надоѣмъ, читать устанете“.

Въ этомъ заключеніи собралось почти все, что могъ выставить противъ Тургенева Достоевскій. Цитация иностранныхъ авторовъ, за которыхъ цѣпляется Тургеневъ, не вѣря себѣ и боясь ходить собственными ногами. Банкротство Россіи. Отношеніе къ преступленіямъ. Пре-

ступленія — результатъ среды, среда виновата въ нихъ, а не люди. Въ пространственно-временномъ мірѣ — все течеть (*παντα ρεῖ*) и потому нѣтъ въ немъ неподвижной истины и носителей ея праведниковъ. („Ни въ какіе абсо-
* люты и системы не вѣрю“ — говорилъ Тургеневъ. „Да и есть ли непостижимыя истины?“) Сквозь этотъ міръ не просунется уже лицо Бога („*wer darf ihn nennen und wer bekennt?*“), а „не знаю“ въ такомъ вопросѣ — не есть ли уже атеизмъ? Дарвинизмъ — съ его естественнымъ подборомъ былъ въ духѣ Тургенева: это символъ. Ученіе, ставящее во главу угла, эволюціонный процессъ, закономѣрно развертывающійся во времени подъ вліяніемъ условій. Тургеневъ, конечно, не вѣритъ больше московскимъ колоколамъ, а когда пріникаетъ къ оконцу московской церковки — это одна эстетика. Не вѣритъ онъ и лаврамъ, потому что *eheu fugaces Postume, Postume, labuntur auni* — варваръ разобьетъ созданіе Фидіаса и все — суета суеть.

Байроновская міровая скорбь — слѣдствіе отсюда.

✓ „Байроновская тоска“, „гримаса изъ Гейне“, „что нибудь изъ Печорина“ — все это характеризуетъ Тургенева: мальчикомъ пишетъ онъ байроническую поэму *Стено*; Гейне, поздняго — какъ и онъ самъ — романтика называетъ гениальнымъ въ 1874 г.; рассказъ „Стукъ-Стукъ-Стукъ“ написанъ, конечно, подъ вліяніемъ лермонтовскаго Фаталиста. Безвольная, манерная жеманность Тургенева, не разъ „клавшаго перо“, а между тѣмъ — несмотря на видимое равнодушіе — ждавшаго похвалы и пониманія, вотъ что безпощадно осмѣяно Достоевскимъ, надъ которымъ въ его молодости тоже вѣдь много трунили (вспомнимъ эпиграмму). Чтеніе „*Merci*“ могло быть списано съ натуры. 10 февраля 1864 г. Тургеневъ пишетъ г-жѣ Віардо: „Представьте себѣ, въ будущій понедѣльникъ мнѣ, по всей вѣроятности, при-

дется публично читать мои *Призраки*. Это было, можно сказать, импровизировано председателемъ Общества помощи нуждающимся литераторамъ. Я — членъ Общества, и мнѣ невозможно было отказаться. Ожидаю провала: вещь не такая, чтобъ ее можно было читать передъ многочисленной публикой, при свѣтѣ множества свѣчей и т. п. Часть молодежи, не прощающая мнѣ моего послѣдняго романа, навѣрное, будетъ шикать и председатель признался мнѣ, что онъ съ умысломъ это устроилъ, въ видахъ привлеченія публики. Ну что жъ! Въ концѣ концовъ бѣда не велика; постараюсь читать быстро, чтобы публика не успѣла соскучиться. Но вѣдь съ другой стороны, надо читать внятно и съ выраженіемъ.“

Въ газетахъ печаталось объявленіе:

„Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

18-го февраля, во вторникъ, въ домѣ Д. Е. Бернердаки, будетъ чтеніе въ пользу Общества.

Въ немъ примуть участіе И. С. Тургеневъ, который прочтетъ новую свою повѣсть, Н. А. Некрасовъ, Слѣповъ и другіе. Билеты продаются въ книжныхъ магазинахъ Кожанчикова, Бозунова и Серно-Соловьевича.“

Отчета о чтеніи я, къ сожалѣнію, не нашель.

Какъ Тургеневъ отнесся къ пародіи Достоевскаго? Сперва благодушно, смѣясь, что Достоевскій „такъ по аристофановски“ его вывелъ. Потомъ, прочтя внимательно, Тургеневъ всполошился и написалъ: „Д-скій позволилъ себѣ нѣчто худшее, чѣмъ пародію; онъ представилъ меня, подъ видомъ К (армазинова), тайно сочувствующимъ Нечаевской партіи. Странно только то, что онъ выбралъ для пародіи единственную повѣсть, помѣщенную мною въ издаваемомъ нѣкогда имъ журналѣ, повѣсть, за которую онъ осыпалъ меня благодар-

ственными и похвальными письмами. Эти письма сохраняются у меня. Вотъ было бы забавно напечатать ихъ! Но онъ знаетъ, что я этого не сдѣлаю. Мнѣ остается сожалѣть, что онъ употребляетъ свой несомнѣнный талантъ на удовлетвореніе такихъ нехорошихъ чувствъ; видно, онъ мало цѣнитъ его, коли унижается до памфлета“... Тургенева возмущаетъ, что Достоевскому мало было вывести его въ Кармазиновѣ, но онъ затронулъ еще Грановскаго, покойника. Однако, уже послѣ, услышавъ плохой отзывъ о *Бьсахъ*, Тургеневъ неувѣренно принялся ихъ защищать. На возраженіе, что въ романѣ много туманнаго и неяснаго, онъ сказалъ: — А все таки хорошо.—Если вѣрить этому воспоминанію, то художественная правдивость взяла верхъ въ Тургеневѣ надъ тѣмъ личнымъ, которое всегда въ немъ кипѣло противъ Достоевскаго.

VI.

Переписка со Страховымъ 1869 — 70 годовъ (послѣ ссоры съ Тургеневымъ) рисуетъ отношеніе Достоевскаго. *Несчастная* это — „такая ничтожность, что не приведи Господи“... „чортъ знаетъ что такое.“ Страховъ написалъ двѣ статьи въ *Заря* (№ 9 — 1869 и № I — 1870), подписанныя „Н. Косица.“ Въ одной изъ нихъ за *Тургенева* онъ говоритъ: „многіе упрекаютъ г. Тургенева въ измѣнчивости... это несправедливо. Въ сущности онъ всегда оставался однимъ и тѣмъ же... такова его натура.“ Достоевскому больше нравится Страховская статья о Толстомъ: „Статья о Тургеневѣ прекрасная и ясная статья, но въ статьяхъ о Толстомъ вы поставили вашу основную точку.“ Свои воспоминаія 1868 — 9 г. Тургеневъ заключилъ такими словами: „Нужно постоянное общеніе съ средою, которую берешься воспроизводить; нужна правдивость, правдивость неумолимая въ отно-

шеніи къ собственнымъ ощущеніямъ, нужна свобода, полная свобода воззрѣній и понятій, — наконецъ, нужна образованность, нужно знаніе! „А! понимаемъ! видимъ, куда вы гнете!“ воскликнуть здѣсь, пожалуй, многіе: — „Потугинскія идеи — ци-ви-ли-зація *prenez tout oug.*“ — Подобныя восклицанія не удивятъ меня, но и не заставятъ отступиться ни отъ одной іоты. Ученіе — не только свѣтъ, по народной пословицѣ, — оно также и свобода. Ничто такъ не освобождаетъ человѣка, какъ знаніе, — а нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзій: недаромъ даже на казенномъ языкѣ художества зовутся „вольными“, „свободными“...

„ дорогою *свободной*
Иди, куда влечетъ тебя *свободный* умъ“ . . .

Тургеневъ настаиваетъ, что изъ трехъ факторовъ, необходимыхъ въ искусствѣ: свободы, образованности, таланта—славянофиламъ не хватало именно свободы. Поэтому никто изъ нихъ, несмотря на всю даровитость, „не создалъ никогда ничего живого; ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ снять съ себя — хоть на мгновеніе — своихъ окрашенныхъ очковъ. Но самый печальный примѣръ отсутствія истинной свободы, проистекающаго изъ отсутствія истиннаго знанія, представляетъ намъ послѣднее произведеніе графа Л. Н. Толстого (Война и Миръ), которое, въ то же время, по силѣ творческаго, поэтическаго дара, стоитъ едва ли не во главѣ всего, что явилось въ нашей литературѣ съ 1840 года. Нѣтъ! безъ образованія, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ — въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи — не мыслимъ истинный художникъ; безъ этого воздуха дышать нельзя.“ Страховъ отвѣчаетъ на эти слова: „Если мы захотимъ найти примѣръ рабства, то

разительный примѣръ представляетъ г. Тургеневъ. чѣмъ только не былъ Тургеневъ, какимъ влияніямъ онъ не подчинялся? Каждое минутное настроеніе нашихъ журналовъ, нашихъ литературныхъ кружковъ отражалось на немъ съ такою быстротою и силою, какой мы едва ли найдемъ примѣръ. Вотъ истинный *рабъ* минуты, человѣкъ, какъ будто не имѣющій ничего своего, а все заимствующій отъ другихъ“... .

Тутъ происходитъ *quaternio terminorum*, потому что Тургеневъ и Страховъ незамѣтно вкладываютъ разный смыслъ въ слово „свобода“. Тургеневъ говоритъ о свободѣ отъ догматизма въ плоскости, главнымъ образомъ, убѣжденій и творчества. Страховъ о свободѣ психологической воли. Тургеневъ, безвольный по природѣ, дѣйствительно, поддавался всяческому влияніямъ. Выраженіе на обычномъ его портретѣ какъ бы страдающаго раба, прикованнаго къ галерѣ. Но идола были ненавистны его научно-философскому уму. Вѣра въ цивилизацію давала свободу его мысли, но другой стороною она поработала его однимъ своимъ взглядомъ, что все зависитъ отъ окружающихъ условій. Достоевскій повялъ эту сторону его духа и соглашался со Страховымъ: „Неужели я вамъ не писалъ про вашу статью о Тургеневѣ? Читалъ я ее, какъ всѣ ваши статьи, — съ восхищеніемъ, но и съ нѣкоторой маленькой досадой. Если вы признаете, что Тургеневъ потерялъ точку и виляетъ и *не знаетъ, что сказать* о нѣкоторыхъ явленіяхъ русской жизни (на всякій случай относясь къ нимъ насмѣшливо), то должны бы были и признать, что великая художественная способность его ослабѣла (и должна была ослабѣть) въ послѣднихъ его произведеніяхъ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: онъ очень ослабѣлъ, какъ художникъ. „Голосъ“ говоритъ, что это потому, что онъ живетъ за границей; но причина глубже. Вы же признаете и за послѣдними произведеніями

его прежнюю художественность. Такъ ли это? Впрочемъ, я; можетъ быть, ошибаюсь (не въ сужденіи о Тургеневѣ, а въ вашей статьѣ). Можетъ быть, вы не такъ только выразились. . . А знаете, вѣдь это все помѣщичья литература. Она сказала все, что имѣла сказать (великолѣпно у Льва Толстого). Но это въ высшей степени помѣщичье слово было послѣднимъ. *Новаго слова*, замѣняющаго помѣщичье, еще не было. Въ концѣ письма: „О Тургеневѣ читаль у васъ (въ письмѣ) съ наслажденіемъ. Эта шельма художественно вѣрна самому себѣ. Я его знаю *своими боками*. Много бы могъ рассказать, но оставляю до свиданія.“ О *Казни Тропмана*: „я прочелъ, между прочимъ, „Казнь Тропмана“ — Тургенева. Вы можете имѣть другое мнѣніе, Николай Николаевичъ, но меня эта напыщенная статья возмутила. Почему онъ все конфузится и твердить, что не имѣетъ права тутъ быть? Да, конечно, если только на спектакль пришелъ; но человекъ на поверхности земной не имѣетъ права отвертываться и игнорировать то, что происходитъ на землѣ, и есть высшія нравственныя причины на то: homo sum et nihil humani. . . и т. д. Всего комичнѣе, что онъ въ концѣ отвертывается и не видитъ, какъ казнятъ въ послѣднюю минуту: „смотрите, господа, какъ я деликатно воспитался! Не могъ выдержать.“ Впрочемъ онъ самъ себя выдаетъ. Главное впечатлѣніе статьи въ результатѣ — ужасная забота, до послѣдней щепетильности, о себѣ, о своей цѣлости и своемъ спокойствіи. И это въ виду отрубленной головы. Плевать впрочемъ на нихъ всѣхъ. Надоѣли они мнѣ ужасно. Я считаю Тургенева самымъ исписавшимся изъ всѣхъ исписавшихся русскихъ писателей, чтобы вы ни писали, Николай Николаевичъ — ужъ простите“. Въ слѣдующемъ письмѣ Достоевскій полагаетъ, что будущность принадлежитъ славянскому вопросу: „этого только вашъ *прозорливецъ* Тургеневъ не видитъ. Не соглашусь

съ вами въ его прозорливости“. . . „Король Лиръ Тургенева мнѣ совсѣмъ не понравился. Напыщенная и пустая вещь. Тонъ низокъ. Ей Богу не изъ зависти говорю.“ Затѣмъ про Бѣлинскаго: „онъ сказалъ, что Тургеневъ не будетъ художникомъ, а между тѣмъ это сказано по прочтеніи чрезвычайно значительнаго разсказа Тургенева „Три портрета“. Я бы могъ вамъ набрать такихъ примѣровъ сколько угодно для доказательства неправды его критическаго чутья и воспріимчиваго трепета*)“.

Въ 1870 году Достоевскій говоритъ, что будь у него, какъ у Тургенева, обезпечено 2 — 3 года, и онъ написалъ бы такой романъ, что о немъ бы говорили черезъ сто лѣтъ.

Въ 1879 году былъ юбилей Тургенева. О чествованіи я имѣю пріятную возможность сообщить разсказъ очевидца С. А. Венгерова, присоединивъ къ нему отчетъ, напечатанный въ *Вѣстникъ Европы*. Друзья собрались почтить Ивана Сергѣевича. Явился и Достоевскій. Всѣ въ пиджакахъ, онъ — нарочито чопорный, во фракѣ. Отвѣчая Спасовичу и Костомарову, Тургеневъ прочелъ по бумажкѣ рѣчь, въ которой благодарилъ за (очевидно заранѣе предугаданныя) многочисленныя привѣтствія. „Мм. Гг.. Въ отвѣтъ на все слышанное мною, на всѣ эти горячія привѣтствія, мнѣ слѣдовало бы только повторить то, что я сказалъ недѣлю тому назадъ въ Москвѣ участникамъ обѣда, подобнаго сегодняшнему: благодарить невозможно — ибо гдѣ найти довольно сильныя выраженія? Такіе часы не забываются до конца жизни; въ нихъ высшая награда для писателя, для всякаго обще-

*) Въ рецензіи Бѣлинскаго сказано: „Разсказъ г. Тургенева при ловкомъ и живомъ изложеніи имѣетъ свою заманчивость не повѣсти, а скорѣе воспоминаній о добромъ старомъ времени. Къ нему шелъ бы эпитафій: „Дѣла давно минувшихъ дней.“ Бѣлинскій могъ что либо разсказывать въ частномъ разговорѣ.

ственнаго дѣятеля. Но здѣсь, въ Петербургѣ, въ виду многихъ моихъ товарищей и друзей, тѣхъ людей „сороковыхъ годовъ“, о которыхъ такъ много стали говорить въ послѣднее время и сближеніе съ которыми, столь замѣтное въ рядахъ современной молодежи, составляетъ событіе, событіе знаменательное; — въ виду всѣхъ васъ, г. г., мнѣ хочется подѣлиться слѣдующимъ, поистинѣ отраднымъ, соображеніемъ. Чтобы ни говорили о перерывѣ, будто бы совершившимся въ постепенномъ развитіи нашей общественной жизни, о расколѣ между поколѣніями, изъ которыхъ младшее не помнитъ и не признаетъ старшаго, а старшее не понимает и тоже не признаетъ младшаго, — чтобы ни говорили большею частью не признанные судьи, — есть однако область, въ которой эти поколѣнія, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, сходятся дружески; есть слово, есть мысли, которыя имъ одинаково дороги; есть стремленія, есть надежды, которыя имъ общи; есть, наконецъ, идеаль, не отдаленный и не туманный, а опредѣленный, осуществимый и можетъ быть близкій, въ который они одинаково вѣрятъ. Еще недавно, очень недавно, нельзя было этого сказать, но теперь это истина, это фактъ, видимый всякому непредубѣжденному глазу — и нынѣшній обѣдъ одинъ изъ такихъ фактовъ. Мнѣ не для чего указывать болѣе настойчивымъ образомъ на этотъ идеаль, онъ понятенъ вамъ и въ литературѣ, и въ наукѣ, и въ общественной жизни. Говорящій въ эту минуту передъ Вами написалъ, 16 лѣтъ тому назадъ, романъ *Отцы и Дети*. Въ то время онъ только могъ указать на рознь, господствовавшую тогда между поколѣніями; тогда еще не было почвы, на которой они могли сойтись. Эта почва теперь существуетъ — если еще не въ дѣйствительности, то уже въ возможности; она является ясною глазамъ мыслителя. Напрасно стануть намъ указывать на нѣкоторыя преступныя увлеченія. Яв-

ленія эти глубоко прискорбны; но видѣть въ нихъ выраженіе убѣжденій, присущихъ большинству нашей молодежи, было бы несправедливостью, жестокой и столь же преступной“ . . .

Очевидно, въ этомъ мѣстѣ рѣчи Тургеневъ сказалъ, что „надо увѣнчать зданіе.“ „Увѣнчать зданіе“ — было ходячее выраженіе, вродѣ какъ въ наши дни „темныя силы“, и значило оно — „дать конституцію“. Закончилъ свою рѣчь Тургеневъ такъ: „Правительственныя силы, которыя заправляютъ и должны заправлять судьбами нашего отечества, могутъ еще скорѣе и точнѣе, чѣмъ мы сами, оцѣнить все значеніе и весь смыслъ настоящаго, — скажу прямо: историческаго мгновенія. Отъ нихъ, отъ этихъ силъ зависитъ, чтобы всѣ сыновья нашей великой семьи слились въ одно дѣятельное, единоедушное служеніе Россіи, — той Россіи, какою ее создала исторія, создало то прошедшее, къ которому должно правильно и мирно приикнуть будущее. А потому позвольте мнѣ, человѣку прошедшаго, человѣку 40 хъ годовъ, человѣку старому, провозгласить тостъ за молодость, за будущее, за счастливое и здоровое развитіе ея судебъ, и да совершатся наконецъ слова нашего великаго поэта, да настанетъ возможность каждому изъ насъ воскликнуть въ глубинѣ души:

„Въ надеждѣ славы и добра
Глядимъ впередъ мы безъ боязни“.

Присутствовавшіе поняли, о чемъ идетъ рѣчь, и многозначительно привѣтствовали оратора. Тогда появился опять Достоевскій, назойливый и возбужденный. Онъ требовалъ, чтобы ему разъяснили туманное выраженіе о зданіи. Всѣ сконфуженно молчали. Послѣ эта неприличная выходка обсуждалась въ печати: „Скажите же теперь — заключилъ одинъ ораторъ (Достоевскій) свое обращеніе къ нему (Тургеневу) — какой же вашъ идеаль? Го-

ворите!“ И не дождавшись отвѣта, отвернулся и пошелъ прочь. Тема, очевидно, древняя — пародія на великую историческую сцену: „рцы убо намъ достойно ли есть дати кинсонъ Кесареви, или нѣтъ“, — съ присоединеніемъ къ фарисейству мимика Пилата, задавшаго вопросъ и не дождавшагося отвѣта. И. С. Тургеневъ успѣлъ дать отвѣтъ, но этотъ отвѣтъ могъ быть виденъ находившимся вблизи, такъ какъ отвѣтъ былъ безъ словъ: Тургеневъ опустилъ голову и развелъ руками. Правда — тутъ ничего не оставалось, какъ развести руками; но общество было менѣе терпѣливо, и со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія, обращенныя къ Тургеневу: „не говорите! мы знаемъ!“ Чей то голосъ попытался взять сторону оратора: „нѣтъ, вы не знаете!“ — но былъ заглушенъ новыми восклицаніями. Тѣмъ и кончился этотъ характерный эпизодъ, въ противность ожиданіямъ оратора, рассчитывавшаго совсѣмъ на другой эффектъ: если молъ Тургеневъ промолчить, то тѣмъ самымъ признается, что никакихъ у него идеаловъ нѣтъ, и покроется стыдомъ, а онъ навѣрное промолчитъ, по той же причинѣ, по которой, на примѣръ, ему трудно было бы рѣшиться на изданіе своего „Дневника“, въ подражаніе г-ну Достоевскому, — хотя, по нашему мнѣнію, Тургенева удерживаетъ отъ этой счастливой мысли вовсе не то, чтобы онъ могъ опасаться неуспѣха. Такъ укололи Достоевскаго западники „Вѣстника Европы“.*) С. А. Венгеровъ го-

*) Въ дополненіе разсказъ Градовскаго (изъ „Итоговъ“): Тургеневъ при рукоплесканіяхъ закончилъ свою рѣчь, прочитанную по бумажкѣ со старческимъ добродушіемъ. . . но громче ихъ раздался шипящій, желчный возгласъ Ф. М. Достоевскаго. Онъ подскочилъ къ Тургеневу съ трудомъ передаваемою раздражительностью и злобно закричалъ: — Повторите, повторите, что вы хотѣли сказать, разъясните прямо, чего вы добиваетесь, что хотите навязать Россіи? — Тургеневъ отшатнулся, вы рямялся во весь ростъ, подавляющій небольшого и тщедушнаго Достоевскаго, и развелъ руками, тѣмъ жестомъ, который выражаетъ глубочайшее недоумѣніе и негодованіе.

ворить, что въ Достоевскомъ проявилась обыкновенная зависть. Мы видимъ здѣсь болѣзненно окрашенное психической неуравновѣшенностью самосознаніе гениемъ несправедливости его всегдашняго умаленія передъ талантомъ, хотя бы и исключительнымъ по величинѣ.*)

Дневникъ Писателя постоянно касается Тургенева.

✱ ✓ Въ 1873 г. упоминается Антропка изъ *Пльцовъ*, котораго „тятенька высѣчь хочетъ“.

Въ другой разъ Достоевскій пишетъ:

„Я помню, въ моей молодости, какъ ужасно заинтересовало меня извѣстіе, что г. Віардо (мужъ знаменитой оперной пѣвицы, пѣвшей у насъ тогда въ итальянской оперѣ) французъ, не знающій ничего по русски, переводитъ нашего Гоголя подъ руководствомъ г. Тургенева. У Віардо, конечно, была художественно-критическая способность и сверхъ того чуткость въ пониманіи поэзіи чужихъ національностей, что онъ и доказалъ превосходнымъ своимъ переводомъ „Донъ Кихота“ на французскій языкъ. Господинъ же Тургеневъ понималъ Гоголя, конечно, до тонкости; какъ всѣ тогда, полагаю, любилъ его до восторга и сверхъ того самъ былъ поэтъ, хотя тогда

— Что я хотѣлъ сказать, то сказалъ . . . Надѣюсь, всѣ меня поняли. . . А на вашъ *допросъ*, хотя бы и съ пристрастіемъ, отвѣчать не обязанъ. . . — „Поняли, поняли“ раздались голоса.“

*) Достоевскій въ записной своей книжкѣ говоритъ о западной партіи: „Она гнушается идеи органической духовной солидарности народа съ царемъ и толкуетъ о европейской вздорной бабѣ (конституція) и, конечно, только для себя зоветъ эту бабу, для увѣчянія зданія, чтобы быть похожими на европейцевъ.“ Запись приблизительно времени юбилея. Изъ юбилейныхъ рѣчей Тургенева 1879 включена М. О Гершензономъ — другая (въ его III-мъ томъ *Русс. Проилеевъ*). Но эта тоже несомнѣнно тургеневская. Разъ Тургеневъ читалъ по бумажкѣ, то естественно же всего ему отдать послѣ эту бумажку Стасюлевичу для *Вѣстника Европы*. Если бы записалъ кто либо другой по памяти, врядъ ли бы добросовѣстный редакторъ не оговорилъ этого, и не была бы она столь литературной.

Въ тѣ же юбилейные дни Тургеневъ вмѣстѣ съ Достоевскимъ дважды выступали на литературныхъ вечерахъ, съ равнымъ успѣхомъ. Одинъ разъ, по почину Филосововой, цвѣты поднесли только Достоевскому (она ссорилась съ Тургеневымъ). Это сильно обидѣло Савину, вспоминая о такой несправедливости много лѣтъ спустя.

почти не начиналъ еще своего творчества (NB. Онъ написалъ только нѣсколько стиховъ, забылъ какихъ, и сверхъ того повѣсть „Три Портрета“ — произведение уже значительное). Такимъ образомъ могло бы что-нибудь выйти. Замѣчу, что г. Тургеневъ должно быть превосходно знать французскій языкъ. И что же? Вышла изъ этого перевода такая странность, что я хоть и предчувствовалъ зранѣе, что Гоголя нельзя передать по французски, всетаки — никакъ не ждалъ такого исхода. Этотъ переводъ можно достать и теперь — посмотрите, что это такое. Гоголь исчезъ буквально“. . . „Переведите повѣсть *Рудинъ* Тургенева (я потому говорю о г. Тургеневѣ, что онъ наиболѣе переведенъ изъ русскихъ писателей, а о повѣсти „Рудинъ“ потому, что она наиболѣе изъ всѣхъ произведений г. Тургенева подходитъ къ чему то нѣмецкому) — на какой хотите европейскій языкъ и даже ее не поймутъ. Главная суть дѣла останется совсѣмъ даже не подозрѣваемою. *Записки же Охотника* точно также не поймутъ, какъ и Пушкина, и Гоголя. Такъ что всѣмъ нашимъ крупнымъ талантамъ, мнѣ кажется, суждено надолго, можетъ быть, остаться для Европы неизвѣстными: и даже такъ, что чѣмъ крупнѣе и своеобразнѣе талантъ, тѣмъ онъ будетъ и незнаваемѣе“.

Въ 1876 г. Достоевскій рядомъ съ *Обломовымъ* ставитъ *Дворянское Гнѣздо*: „Тутъ, конечно, не народъ, но все, что въ этихъ типахъ Гончарова и Тургенева вѣковѣчнаго и прекраснаго — все это оттого, что они въ нихъ соприкоснулись съ народомъ; это соприкосновение съ народомъ придало имъ необычайныя силы. Они заимствовали у него его простодушіе, чистоту, кротость, широкость ума и незлобіе, въ противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному. Не дивитесь, что я заговорилъ вдругъ о русской литературѣ. Но за литературой нашей именно та заслуга, что она, почти вся цѣликомъ, въ лучшихъ нашихъ представителяхъ своихъ, и прежде всей нашей интеллигенціи, замѣтте себѣ это, преклонилась передъ на-

родной правдой, признала идеалы народные за дѣйствительно прекрасное. Впрочемъ она принуждена была взять ихъ себѣ въ образецъ отчасти даже невольно. Право, тутъ, кажется, дѣйствовало скорѣе художественное чутье, чѣмъ добрая воля“. Объ отцѣ Лаврецакаго: „У Тургенева въ *Дворянскомъ Гнѣздѣ* великолѣпно выведенъ мелькомъ одинъ портретъ тогдашняго окультуривагося въ Европѣ дворянчика, воротившагося къ отцу въ помѣстье. Онъ хвасталъ своею гуманностью и образованностью. Отецъ сталъ его укорять за то, что онъ сманилъ дворовую невинную дѣвушку и обезчестилъ, а тотъ ему: „А что же, я и женюсь“. Помните эту картинку, какъ отецъ схватилъ палку, да за сыномъ, а тотъ въ англійскомъ синемъ фракѣ, въ сапогахъ съ кисточками и въ лосинныхъ панталонахъ въ обтяжку — отъ него черезъ садъ, черезъ гумно, да во всѣ лопатки! И что же, хоть и убѣждалъ, а черезъ нѣсколько дней взялъ да и женился, во имя идей Руссо, носившихся тогда въ воздухѣ, а пуще всего изъ блажи, изъ шаткости понятій, воли и чувствъ, и изъ раздраженнаго самолюбія: „вотъ, дескать, посмотрите всѣ, каковъ я есть“. Жену свою потомъ онъ не уважалъ, забросилъ, измучилъ въ разлукѣ и третировалъ ее съ глубочайшимъ презрѣніемъ, дожилъ до старости и умеръ, въ полномъ цинизмѣ, злымъ, мелкимъ, дряннымъ старичишкой, ругаясь въ послѣднюю минуту и крича сестрѣ: „Глашка, Глашка, дура, бульонцу, бульонцу.“ Какая прелесть этотъ рассказъ у Тургенева и какая правда!“

Когда Достоевскому надо обличить современнаго ему литератора въ невѣжество, онъ скажетъ, что тотъ не только „не читалъ Пушкина и Тургенева“, но даже и „своихъ“ — Бѣлинскаго и Добролюбова. Авсѣенко въ *Рус. Вѣстникѣ* (окт. 1874) заявилъ, будто литература 40-хъ годовъ бѣдна содержаніемъ. Достоевскій указываетъ ему на *Записки Охотчика*: „и эти бѣдны внутреннимъ содержа-

ніемъ?" и прибавить: „насмѣшки надъ тѣмъ, что сосна не выросла въ семь лѣтъ, а требуетъ всемеро больше для росту лѣтъ, еще до того обыденны и обыкновенны, что не рѣдкость ихъ услышать даже не отъ однихъ Потугиныхъ, а отъ людей гораздо выше ихъ по развитію.“

Въ 1877 г. Достоевскій упоминаетъ, что „наши Рудины умирали на баррикадахъ“. Мы увидимъ дальше, почему это было ему дорого. Онъ прочелъ первую половину *Нови* и ждетъ второй части. Въ вступленіи Достоевскій упрекаетъ критику послѣднихъ сорока лѣтъ за то, что она все жалуется на безвременье.

„А въ сущности въ эти сорокъ лѣтъ явились послѣднія произведенія Пушкина, начался и кончился Гоголь, былъ Лермонтовъ, явились Островскій, Тургеневъ, Гончаровъ и еще человекъ десять, по крайней мѣрѣ, преталантливыхъ бѣллетристовъ“... „Объ *Нови* я, разумѣется, ничего не скажу; всѣ ждутъ второй части. Да и не мнѣ говорить. Художественное достоинство созданій Тургенева вѣ сомнѣніи. Замѣчу лишь одно: на 92 страницѣ романа (см. *Вѣстникъ Европы*), сверху страницы есть 15 или 20 строкъ, и въ этихъ строкахъ какъ бы концентрировалась, по моему, вся мысль произведенія, какъ бы выразился весь взглядъ автора на свой предметъ. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ совершенно ошибоченъ и я съ нимъ глубоко несогласенъ. Это нѣсколько словъ, сказанныхъ авторомъ по поводу одного лица романа, Соломина.“ Вотъ строки, указанныя Достоевскимъ: „Оказалось, что Соломинъ не вѣрилъ въ близость революціи въ Россіи; но не желая навязывать свое мнѣніе другимъ, не мѣшалъ имъ попытаться, и посматривалъ на нихъ не издалека, а сбоку. Онъ хорошо зналъ петербургскихъ революціонеровъ — и до нѣкоторой степени сочувствовалъ имъ — ибо самъ былъ изъ народа, безъ котораго „ничего не подѣлаешь“ и котораго долго

готовить надо — да и не такъ и не къ тому, какъ *ты*. Вотъ онъ и держался въ сторонѣ не какъ хитрецъ и виляка, а какъ малый со смысломъ, который не хочетъ даромъ губить ни себя, ни другихъ. — А послушать — отчего не послушать, — и даже поучиться, если такъ придется.“

Неясно, съ чѣмъ Достоевскій не согласенъ. Очевидно съ тѣмъ, что народъ „надо готовить“. Или же онъ провидѣлъ грядущую революцію и въ этомъ смыслѣ былъ ея пророкомъ? Можетъ быть онъ опасался ее? Говоритъ Достоевскій о томъ, что русскій языкъ мало знаетъ грамматически. Этотъ вопросъ старый, „недавно даже въ печати о немъ опять заговорили, хоть и косвенно, по поводу сочиненій г. Тургенева на французскомъ языкѣ. Выражено было даже мнѣніе, что не все ли равно г-ну Тургеневу сочинять на французскомъ или на русскомъ языкѣ и что тутъ запрещеннаго?“ Запрещеннаго, конечно, нѣтъ ничего и особенно такому огромному писателю и знатоку русскаго языка, какъ Тургеневъ, и если у него такая фантазія, то почему же ему не писать на французскомъ, да и къ тому же если онъ французскій языкъ почти какъ русскій знаетъ. И потому о Тургеневѣ ни слова“.

Вопросъ о томъ, писалъ ли Тургеневъ на иностранныхъ языкахъ — живо интересовалъ современниковъ. Самъ онъ отказывался, говорилъ, что не писалъ ни единой строчки (боясь, что его заподозрятъ въ отчужденности отъ русской жизни). Но это касается лишь художественныхъ его произведеній.

Достоевскій упоминаетъ Лизу, какъ высшій типъ русской женщины, въ знаменитой пушкинской рѣчи. Объ этомъ будетъ сказано дальше. Наконецъ, въ послѣдній уже разъ, про Тургенева въ *Дневникъ* написано :

„вполнѣ русскимъ былъ и Рудинъ, убѣжавшій въ Парижъ умирать за дѣло для него совершенно будто бы постороннее, какъ вы утверждаете. Да вѣдь именно потому то онъ и русский въ высшей степени, что дѣло, за которое онъ умиралъ въ Парижѣ, ему вовсе было не столь постороннимъ, какъ было бы англичанину или нѣмцу, — ибо дѣло европейское, міровое, всечеловѣческое, давно уже не постороннее русскому человѣку. Вѣдь это отличительная черта Рудина. Трагедія Рудина была собственно въ томъ, что онъ на своей нивѣ работы не нашель и умеръ на другой нивѣ, но вовсе не столь чуждой ему, какъ вы утверждаете.“

Рудинъ былъ матеріаломъ для теоріи Достоевскаго о русскомъ всечеловѣчествѣ.

Въ 1880 г. Достоевскій высказался, что обязательнымъ чтеніемъ для одной дѣвочки должны быть: Пушкинъ и Гоголь, „Тургеневъ и Гончаровъ—если хотите“. Въ библиотекѣ Достоевскаго, съ каталогомъ которой ознакомился Л. П. Гроссманъ — находилось собраніе сочиненій Тургенева въ восьми томахъ (1844 — 68 г.), издание бр. Салаевыхъ, Москва, 1874. Вѣроятно болѣе раннія изданія не были зарегистрированы или утерялись.

* * *

Я уже говорилъ о томъ, что не разъ вспоминаеть Тургеневъ первую встрѣчу свою съ Достоевскимъ въ новомъ свѣтѣ, свѣтѣ недружелюбія. Вспоминаеть Полонскому (и одной своей знакомой) кайму и эпиграмму. Павловскому рассказываетъ приведенный уже эпизодъ о мнительности Достоевскаго, какъ тотъ убѣждалъ, думая, что надъ нимъ смѣются. Можно было бы думать, что слушатели, жадно ловя все, что касалось вражды двухъ большихъ людей и предчувствуя глубокой смыслъ ея, нѣсколько преувеличивали тургеневскіе рассказы. Но онъ самъ давалъ тому поводъ. Онъ самъ писалъ о „безпричинной“

ненависти Достоевскаго, когда оба были юны. Наконецъ, вотъ еще мнѣнія Тургенева о Достоевскомъ послѣ ссоры. Обозленному на Достоевскаго Салтыкову онъ пишетъ о *Подросткѣ*: „Я заглянулъ было въ этотъ хаосъ; Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому ненужное бормотанье и психологическое ковырянье!! Вотъ къ кому всецѣло относится то, что вы сказали въ своемъ письмѣ объ этомъ послѣднемъ родѣ“. Въ 1877 г. Тургеневъ даетъ рекомендательное письмо къ Достоевскому — своему пріятелю Дюрану: „М. Г. Ѳедоръ Михайловичъ! Мой хорошій пріятель, извѣстный литераторъ и знатокъ русскаго языка, г-нъ Эмиль Дюранъ, получилъ отъ редакціи *Revue de deux Mondes* порученіе составить монографіи (біографическія и литературно-критическія) о выдающихся представителяхъ русской словесности и съ этой цѣлью отправляется въ Россію. — Вы, конечно, стоите въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ — и онъ меня просилъ снабдить его рекомендательнымъ письмомъ къ вамъ, что я исполняю съ тѣмъ большей охотой, что личное знакомство съ г-номъ Дюраномъ, какъ съ человѣкомъ въ высшей степени добросовѣстнымъ, образованнымъ и умнымъ, не можетъ не доставить вамъ самимъ большое удовольствіе. Я рѣшился написать вамъ письмо, несмотря на возникшія между нами недоразумѣнія, вслѣдствіе которыхъ наши личныя отношенія прекратились. Вы, я увѣренъ, не сомнѣваетесь въ томъ, что недоразумѣнія эти не могли имѣть никакого вліянія на мое мнѣніе о вашемъ первоклассномъ талантѣ и о томъ высококомъ мѣстѣ, которое вы по праву занимаете въ нашей литературѣ. Въ надеждѣ на радушіе пріема, которое вы окажете г-ну Дюрану, и на сочувствіе къ самой цѣли его путешествія, прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою и пр.“ Сохра-

нилось извѣстіе о томъ, какъ отнесся Тургеневъ къ нелѣпой статьѣ Кояловича о немъ и о Достоевскомъ*). Въ 1882 г., по прочтеніи статьи *Жестокій Талантъ* Тургеневъ написалъ Салтыкову: „прочелъ я также статью Михайловскаго о Достоевскомъ.—Онъ вѣрно подиѣтилъ основную черту его творчества. Онъ могъ бы вспомнить, что и во французской литературѣ было схожее явленіе, а именно пресловутый Маркизь де Садъ. Эгоъ даже книгу написалъ „*Tourments et supplices*“, въ которой онъ съ особеннымъ наслажденіемъ настаивалъ на развратной нѣгѣ, доставляемой нанесеніемъ изысканныхъ мукъ и страданій. — Достоевскій тоже въ одномъ изъ своихъ романовъ тщательно описываетъ удовольствіе одного любителя. . . И какъ подумаешь, что по этомъ нашемъ де Садъ всѣ російскіе архіереи совершали панихиды и даже проповѣди читали о вселюбви этого всечеловѣка. — Поистинѣ въ странное живемъ мы время“. . .

Эго тяжелое надгробіе. Творческій духъ Достоевскаго, доступный горнимъ высотамъ, заглядывался иногда въ какую-то преисподнюю. Сравните это письмо съ письмомъ

*) Евг. Гаршинъ вспоминаетъ, какъ „просмотрѣвъ газеты, Иванъ Серг. остановился на одной пространной статьѣ, гдѣ проводилась параллель между нимъ и Достоевскимъ, причѣмъ отдавалось преимущество послѣднему, потому что онъ создалъ синтезъ типовъ, между тѣмъ какъ Тургеневъ далъ только простые типы. — „Позвольте васъ спросить — обращался къ намъ Ив. Серг. — что это значитъ синтезъ типовъ? Вѣдь вотъ до чего доводитъ злоупотребленіе философскими терминами“. Кояловичъ — („Нигилизмъ и нигилисты въ произведеніяхъ русской литературы“, *Н. Время*, 14 Авг. 1881, № 1966) — самъ плохо понималъ, о чемъ говорилъ: „Типичность художественныхъ образовъ прямо зависитъ отъ характерности и общности тѣхъ чертъ, которыми такъ полна дѣйствительная жизнь“. Синтезъ — „одинъ разъ данный тонъ“, благодаря которому „идея переходитъ предѣлы индивидуальной личности. . . ступевающая субъективныя черты и особенности, въ какихъ она раздроблена и разбросана въ дѣйствительной жизни“. Но его мнѣнію первый открылъ нигилизмъ Достоевскій (въ *Бѣсахъ*), а не Тургеневъ, который только его популяризировалъ. „Легкость и приятная шаблонность романовъ Тургенева были по вкусу огромнаго большинства читателей“.

Страхова къ Льву Толстому. Какая то причастность злу была, хотя бы мы безконечно умалили то, что говорятъ обвинители. Объ эстетикѣ ада, объ идеалѣ Содомскомъ и о Мадоннѣ сказано было много. Тяжелымъ, можетъ быть, грѣшнымъ иногда, но глубоко-христианскимъ путемъ — проходилъ каторжникъ Достоевскій свою жизнь, непрестанно мучимый Богомъ. Въ литературѣ онъ создалъ по-истинѣ рембрантовскую свѣтотѣнь, изъ добра и зла, чуждую меланхолической идилличности Тургенева, его золотымъ, классическимъ снамъ, только легко и печально витающимъ надъ бездной.

VII.

На пушкинскомъ торжествѣ 6 — 8 іюня 1880 г. въ послѣдній разъ встрѣтились Тургеневъ и Достоевскій, встрѣтились близко и уже не какъ журналисты, не какъ личности въ ихъ самомъ глубокомъ смыслѣ, здѣсь встрѣтились два національныхъ художника у подножія одного изъ самыхъ большихъ и мудрыхъ геніевъ Россіи.

Достоевскій описалъ то, что онъ пережилъ тогда, въ письмѣ къ гр. Толстой (женѣ поэта): „Вѣрите ли, дорогіе друзья мои, что въ публикѣ, послѣ рѣчи моей, множество людей, плача, обнимали другъ друга и *клялись другъ другу быть впередъ лучшими*, и это не единичный фактъ, я слышалъ множество разказовъ отъ лицъ, совсѣмъ мнѣ незнакомыхъ даже, которыя стѣснились кругомъ меня и говорили мнѣ изступленными словами (буквально) о томъ, какое впечатлѣніе произвела на нихъ моя рѣчь. Два сѣдыхъ старика подошли ко мнѣ, и одинъ сказалъ: — „Мы двадцать лѣтъ были другъ другу врагами и двадцать лѣтъ дѣлали другъ друго зло: послѣ вашей рѣчи, мы теперь, сейчасъ помирились и пришли вамъ это заявить.“ Такихъ заявле-

ній было множество, а я такъ потрясенъ и измученъ, что самъ готовъ былъ упасть въ обморокъ отъ восторга... Фактъ, повидимому, невѣроятный, но онъ однако же явился въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ Гилярова — Платонова, который самъ былъ свидѣтелемъ факта. Что же до дамъ, то не курсистки только, а и всѣ, обступивъ меня, схватили меня за руки, и крѣпко держа ихъ, чтобы я не сопротивлялся, принялись цѣловать мнѣ руки. Всѣ плакали, даже немножко Тургеневъ. Тургеневъ и Анненковъ (послѣдній положительно *врагъ* мнѣ) кричали вслухъ, въ восторгѣ, что рѣчь моя гениальная и пророческая. „Не потому, что вы похвалили мою Лизу, говорю это“ — сказалъ мнѣ Тургеневъ.“ Въ томъ же письмѣ Достоевскій приписываетъ себѣ заслугу, которой не имѣлъ: „Какъ разъ наканунѣ моей рѣчи Тургеневъ даже отнялъ у Пушкина (въ своей публичной рѣчи) значеніе народнаго поэта. О такой же особенности Пушкина: перевоплощаться въ гени чужихъ націй *совершенно* никто не замѣтилъ до сихъ поръ, никто не указалъ на это.“ Между тѣмъ такіе предшественники Достоевскаго въ пониманіи Пушкина, какъ Бѣлинскій, Гоголь и Тургеневъ — замѣтили эту особенность. Бѣлинскій: — „прочтите его тоже чудную драматическую поэму *Каменный Гость*: она и по природѣ страны, и по нравамъ своихъ героевъ такъ и дышетъ воздухомъ Испаніи; прочтите его *Египетскія Ночи*: вы будете перенесены въ самое сердце жизни издыхающаго древняго міра.“ У Гоголя: „И какъ вѣренъ его откликъ, какъ чутко его ухо! Слышишь запахъ, цвѣтъ земли, времени, народа. Въ Испаніи онъ испанецъ, съ грекомъ — грекъ, на Кавказѣ вольный горецъ“. Называя Пушкина центральнымъ художникомъ, стоящимъ близко къ самому сосредоточію русской жизни, Тургеневъ сказалъ въ своей рѣчи: „этому его свойству дол-

жно приписать и ту мощную силу самобытнаго присвоенія чужихъ формъ, которую сами иностранцы признають за нимъ, правда, подъ нѣсколько пренебрежительнымъ именемъ способности къ „ассимиляціи“. Это свойство дало ему возможность создать на примѣръ монолога *Скупого Рыцаря*, подъ которымъ съ гордостью подписался бы Шекспиръ“. Тургеневъ не отнималъ у Пушкина значенія народнаго (національнаго) поэта. Онъ просто не высказался по этому поводу достаточно опредѣленно и здѣсь опять сказалась его безвольная нерѣшительность.

Одной изъ трогательнѣйшихъ минутъ рѣчи была та, когда въ отвѣтъ на упоминаніе Достоевскимъ Лизы изъ *Дворянскаго Гнѣзда* Тургеневъ послалъ ему воздушный поцѣлуй, вылившійся у него изъ сердца. Въ этомъ порывѣ была забыта та глубокая непріязнь, та философская и чисто-житейская вражда, которая ихъ раздѣляла. Тѣнь Пушкина примирила ихъ. Это она довела Достоевскаго до какого то пророческаго восторга, который заразилъ всѣхъ. Кто былъ когда либо на этой рѣчи, тотъ не забывалъ ее всю жизнь, тотъ просвѣтлялся, когда говорилъ о ней. Это было великое въ исторіи русскаго національнаго самосознанія „событіе“, какъ назвалъ его Аксаковъ (который не могъ произвести своей рѣчи сразу послѣ Достоевскаго).

Изъ многихъ описаній рѣчи приведемъ одно (А. Э. Конн), ставшее пожалуй классическимъ: „На эстрадѣ онъ выросъ, гордо поднялъ голову, его глаза на блѣдномъ отъ волненія лицѣ заблестали, голосъ окрѣпъ и зазвучалъ съ особой силой, а жестъ сталъ энергическимъ и повелительнымъ. Съ самаго начала рѣчи между нимъ и всею массой слушателей установилась та внутренняя духовная связь, сознание и ощущеніе которой всегда заставляютъ оратора почувствовать и рас-

править свои крылья. Въ залѣ началось сдержанное волненіе, которое все росло. . . наступила минута молчанія, а затѣмъ, какъ бурный потокъ, прорвался неслышанный и невиданный мною въ жизни восторгъ. Рукоплесканія, крики, стукъ стульями сливались воедино и, какъ говорится, потрясли стѣны зала. Многіе плакали, обращаясь къ незнакомымъ сосѣдямъ съ возгласами и привѣтствіями; многіе бросились къ эстрадѣ, и какой то молодой человекъ лишился чувствъ отъ охватившаго его волненія. Почти всѣ были въ такомъ состояніи, что, казалось, пошли бы за ораторомъ, по первому призыву, куда угодно! Такъ, вѣроятно, въ далекое время, умѣлъ дѣйствовать Савонарола.“

Самъ Достоевскій рассказываетъ въ другомъ своемъ письмѣ: „Тургеневъ и Анненковъ тоже бросились лобызать меня и, пожимая руки, настойчиво говорили мнѣ, что я написалъ вещь гениальную! Увы, такъ ли они теперь думаютъ о ней?“

Рядомъ съ событіемъ — рѣчью случился маленькій эпизодъ при участіи Тургенева. О немъ рассказываетъ Достоевскій: „Каткова оскорбило Общество любителей русской словесности, устраивавшее праздникъ, отобравъ у него назадъ посланный ему билетъ, а говорилъ рѣчь Катковъ на думскомъ обѣдѣ, какъ представитель Думы и по просьбѣ Думы. Тургеневъ же совсѣмъ не могъ бояться оскорбленій отъ Каткова и дѣлать видъ, что боится, а, напротивъ, Катковъ могъ опасаться какой нибудь гадости себѣ. У Тургенева же была подготовлена Ковалевскимъ и университетомъ такая колоссальная партія, что ему нечего было опасаться. Оскорбилъ же Тургеневъ Каткова первый. Послѣ того, какъ Катковъ произнесъ рѣчь и когда такіе люди, какъ Иванъ Аксаковъ, подошли къ нему чокаться (даже враги его чокались), Катковъ протянулъ самъ свой бокалъ Тургеневу, чтобы

чокнуться съ нимъ, а Тургеневъ отвелъ свою руку и не чокнулся. Такъ рассказывалъ мнѣ самъ Тургеневъ.* Не задолго передъ этимъ Катковъ жестоко и язвительно „изобличалъ“ Тургенева за то, что онъ помогаль обѣднѣвшему Бакунину, другу своей юности. Это было однимъ изъ поводовъ, почему Тургеневъ на протянутый ему дважды бокаль отвѣчалъ только холоднымъ кивкомъ головы, а во второй разъ даже покрылъ свой бокаль ладонью руки. Когда его стали упрекать за то, что онъ въ такой день не забылъ своей неприязни и не отвѣтилъ Каткову примиреніемъ, онъ отвѣчалъ: „Я старый воробей, меня на шампанскомъ не обманешь“, „зачѣмъ я буду мириться въ праздникъ, чтобы потомъ опять ссориться въ будни?“ Достоевскому онъ доказывалъ въ тотъ же вечеръ, что есть вещи, которыхъ нельзя забывать: „какъ же я могу протянуть руку человѣку, котораго я считаю ренегатомъ“.

* * *

Полный анализъ рѣчей Тургенева и Достоевскаго возможенъ въ отдѣльной работѣ. Но я хотѣлъ бы только здѣсь указать на преемственность въ пониманіи Пушкина Бѣлинскимъ и Тургеневымъ — съ одной стороны — и Гоголемъ и Достоевскимъ — съ другой. Тургеневъ считаетъ Бѣлинскаго самымъ главнымъ и первоначальнымъ истолкователемъ Пушкина, „хотя ничья похвала не должна раздаваться сегодня рядомъ съ похвалою Пушкину“. Достоевскій началъ: „Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа, сказалъ Гоголь. Прибавлю отъ себя: и пророческое“. Каждый изъ нихъ указалъ на своего предшественника.

Взгляды Бѣлинскаго выражаютъ чисто-эстетическій подходъ къ Пушкину, затѣмъ къ нему присоединяется

психологическая оцѣнка. Заслуга Бѣлинскаго, что онъ призналъ въ Пушкинѣ искусство, а не только „прекрасный языкъ чувства.“ Онъ провозгласилъ его „первымъ поэтомъ — художникомъ на Руси“. Вооруженный всѣми чарами поэзіи, исполненный любви ко всему эстетически прекрасному, Пушкинъ, — по его мнѣнію — какъ истинный художникъ, „не нуждался въ выборѣ поэтическихъ предметовъ для своихъ произведеній, но для него всѣ предметы были равно исполнены поэзіи“. Бѣлинскій восклицаетъ: „Прекрасна и любезна истина и добродѣтель, но и красота также прекрасна и любезна, и одно другого стоитъ, одно другого замѣнить не можетъ“. Тайна пафоса Пушкина въ его превосходномъ поэтическомъ, художественномъ, артистическомъ стихѣ.

Тургеневъ всегда ощущалъ Пушкина эстетически. Дважды называетъ онъ его первымъ русскимъ художникомъ-поэтомъ. Религія и наука переживаютъ народы — въ силу общаго, искусство — въ силу конкретнаго, личнаго, живого. Поэтому въ искусствѣ народа хранится „его живая личная душа, его мысль, его языкъ въ высшемъ значеніи слова“. Этотъ шеллингянскій взглядъ на искусство, какъ на отпечатокъ національнаго лица, Тургеневъ могъ усвоить тоже черезъ Бѣлинскаго, который увлекался имъ вначалѣ своего поприща („Литературныя мечтанія“). Тургеневъ говоритъ: „въ языкѣ, созданномъ Пушкинымъ, всѣ условія живучести: русское творчество и русская воспріимчивость стройно слились въ этомъ великолѣпномъ языкѣ, и Пушкинъ самъ былъ великолѣпный русскій художникъ“. Брошенная Тургеневымъ мысль о лаконизмѣ Пушкина и вопросъ о томъ, былъ ли онъ художникомъ національнымъ, мировымъ — связываютъ его съ Гоголемъ. Но хотя Тургеневъ думаетъ, что Пушкинъ какъ никто выразилъ все русское, мировымъ и національнымъ художникомъ онъ

признать его не рѣшился и оставилъ вопросъ открытымъ.

Гоголь началъ свою статью: „При имени Пушкина тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. . . Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ ему пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ.“ „Сочиненія Пушкина, гдѣ дышитъ у него русская природа, ихъ только можетъ понимать тотъ, чья душа носитъ въ себѣ чисто русскіе элементы, кому Россія родина, чья душа такъ нѣжно организована и развилась въ чувствахъ, что способна понять не блестящія съ виду русскія пѣсни и русскій духъ“. Въ Пушкинѣ — совершенно русская жизнь, ея разгулъ и раздолье. Нужно прочесть внимательно статью Гоголя о *Борисѣ Годуновѣ*, чтобы понять, какое умопостигаемое царство открывалось его духовному взору при чтеніи этой вещи. Она обладаетъ для него этической дѣйственностью: „Великій! надъ симъ вѣчнымъ твоимъ клянусь! . . . Еще я чистъ, еще ни одно презрѣнное чувство корысти, раболѣпства и мелкаго самолюбія не заронялось въ мою душу. — Если мертвящій холодъ бездушнаго свѣта исхититъ святотатственно изъ души моей хотя часть ея достоянія; если кремень обхватитъ тихо горящее сердце; если презрѣнная ничтожная лѣнь окуетъ меня; если опозорю въ себѣ тобою исторгнутые звуки. . . О! тогда пусть оболется оно немолчнымъ ядомъ, вопьется милліонами жалъ въ невидимаго меня, неугасимымъ пламенемъ упрековъ обовьетъ душу и раздается по мнѣ тѣмъ пронзительнымъ воплемъ, отъ котораго бы изныли всѣ суставы и сама бы бессмертная ду-

ша застонала, возвратившись безотвѣтнымъ эхомъ въ свою пустыню. . . Но нѣтъ! Оно—какъ Творецъ, какъ благодѣтель. Ему ли пламенѣть казнью? . . . Оно обниметь снова моремъ свѣтлыхъ лучей и звуковъ душу и слезою примиренія задрожитъ на отуманенныхъ глазахъ обратившагося преступника!“ . . . Былъ ли Пушкинъ христіаниномъ? „Пушкинъ слишкомъ разумно поступилъ, что, не дерзая переносить въ стихи того, чѣмъ еще не прониклась вся насквозь его душа, предпочиталъ лучше оставаться нечувствительной ступеню къ высшему для всѣхъ тѣхъ, которые слишкомъ отделились отъ Христа, нежели оттолкнуть ихъ вовсе отъ христіанства такими же бездушными стихотвореніями, какія пишутся тѣми, которые выставляютъ себя христіанами.“ Кто вправдѣ религіозно судить человѣка, да еще такое таинственное существо, какъ поэтъ. Гоголь полагаетъ: „и тотъ человѣкъ въ лучшія и свѣтлѣйшія минуты своего поэтического ясно-видѣнія исповѣдалъ выше всего высоту христіанскую... бездѣлица — выставить наумнѣйшаго человѣка своего времени не признающимъ христіанства, — человѣка, на котораго умственное поколѣніе смотритъ какъ на вождя“.

Достоевскому, какъ и Гоголю, дорого моральное значеніе Пушкина. Нравственное состояніе общества, какимъ мы его видимъ въ *Египетскихъ Ночахъ*, объясняетъ по мнѣнію Достоевскаго (1861 г.): „къ какимъ людямъ приходилъ нашъ Божественный Искупитель. Вамъ понятно становится и слово: Искупитель“*).

Развязка рѣчи Достоевскаго покоится на нравственной проблемѣ. Моральный анархистъ и интеллигентъ въ худомъ значеніи этого слова Алеко-Онѣгинъ противостоитъ Татьянѣ, человѣку съ внутреннимъ зако-

*) Это въ неподписанной статьѣ во *Времени*, о ней см. Комаровичъ „Д. и Ег. Ночи“ (Пушкинъ и его совр. XXIX, 12), тамъ же указывается ея безспорная принадлежность Достоевскому.

номъ, категорическимъ императивомъ. Тургеневское „ent-
behen“ въ Татьянѣ, подчиненной своему закону — это
не внѣшнее, она добровольно пошла по этому пути,
какъ истинному, а не по принужденію. Центръ рѣчи
Достоевскаго въ волевомъ смиреніи; оно и выражено
тономъ приказа: „Смирись, гордый человѣкъ, и прежде
всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ,
и прежде всего потрудишься на родной нивѣ“.... „Найди
себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой и
узришь правду... и поймешь, наконецъ, народъ свой и
святую правду его“. Правда же народная въ томъ, что
Россія несетъ въ себѣ идею всечеловѣчества, какъ Хри-
стосъ несъ ее міру. Шатовскія идеи о народѣ богоносцѣ,
взлелѣяныя Достоевскимъ, тѣ — что онъ мечталъ раз-
сказать Ставрогинымъ, онѣ нашли осуществленіе въ
христіанкѣ дѣлами своими — Танѣ — русскомъ религи-
озномъ и національномъ идеалѣ. Рядомъ съ Татьяной
Лиза Калитина и, можетъ быть, Наташа Ростова. Съ Пуш-
кинымъ идеѣ всечеловѣчества есть на чемъ остановиться.
Былъ ли Пушкинъ христіаниномъ? Достоевскій не зна-
етъ какъ сказать. „Жилъ бы Пушкинъ долѣе, такъ и
между нами было бы можетъ быть менѣе недоразумѣній
и споровъ, чѣмъ видимъ теперь. Но Богъ судилъ иначе.
Пушкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и
безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую вели-
кую тайну. И вотъ мы теперь безъ него эту тайну раз-
гадываемъ“.

Тургеневъ и Достоевскій занесли ногу передъ тѣмъ
порогомъ, который переступили ихъ предшественники.
Ибо Бѣлинскій дерзалъ назвать Пушкина національ-
нымъ гениемъ, а Тургеневъ — нѣтъ; Гоголь считалъ
Пушкина христіаниномъ.

Для Тургенева (и Бѣлинскаго) Пушкинъ дорогъ
какъ художественное, и если они видѣли въ немъ „идею“,

то имъ дорога была ея воплотимость и предметная ограниченность. Они относились къ Пушкину — эстетически созерцательно.

Для Достоевскаго (и Гоголя) Пушкинъ явленіе религиозно-нравственное, онъ моральный учитель, властно зовущій къ дѣйствованію, это „облеченіе вещей невидимыхъ“, и они оставляютъ Пушкина, идутъ къ самимъ „невидимымъ вещамъ“, постиженію идей въ чистомъ видѣ.

Опять выясняется волевая противоположность Достоевскаго и Тургенева въ отношеніи ихъ къ Пушкину — созерцательномъ одного, — дѣйственно-этическомъ другого.

Можно раздѣлить на четыре части (двѣ длительныхъ и два момента) встрѣчи обоихъ:

I. (1845—49 г.) — Начинающіе писатели. Продѣлывается какъ бы репетиція того, что произойдетъ такъ ярко потомъ. Мнѣ кажется, что литературная встрѣча уже тогда прощупываетъ органическую полярность двухъ существъ, но все въ маломъ видѣ.

II. (1859—67 г.) Два литератора.

III. Ссора 1867 г. Ссора, вскрывающая бытievую сущность ихъ философскаго и личного расхожденія. (Вопросъ о волѣ играетъ здѣсь рѣшающую роль.)

IV. (1880 г.) Два художника у памятника русскаго національнаго генія.

Они были противоположностями, какъ волевая мужественность и женственная пассивность. Они отталкивались другъ отъ друга. Но было что то, что ихъ тянуло. Тянуло особенно Достоевскаго — сторону активную. Это было тогда, когда онъ „едва не влюбился“ (при первой встрѣчѣ), когда приходилъ обругать *Дымъ*, даже на юби-

леѣ 1879 года. Ихъ встрѣча роковымъ образомъ не вышла. И символомъ того, что *могло быть*, лучшимъ мигомъ въ ихъ отношеніяхъ — былъ воздушный поцѣлуй за Лизу, этотъ чистой красоты женскій образъ, который перейдетъ въ вѣка и „тлѣнья убѣжить“.

1913—17.

Марьино—Знаменское.

РОССІЙСКО-БОЛГАРСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

СОФІЯ, СОФІЙСКІЙ БАНКЪ. Ул. БЕНКОВСКА, 5.

ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ:

- П. Н. Милюковъ. „ИСТОРИЯ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“. Въ четырехъ частяхъ (печат.).
- К. Н. Соколовъ. „ПРАВЛЕНІЕ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА.“ (Печат.).
- „РУССКІЕ СБОРНИКИ“ подъ ред. проф. Э. Д. Гримма и К. Н. Соколова. Книги первая и вторая (пост. въ продажу).
- Петръ Струве. „РАЗМЫШЛЕНІЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“ (Печат.).
- В. В. Шульгинъ. „1920 г.“ Очерки. (Печат.).
- Кн. Евг. Н. Трубецкой. Воспоминанія. (Печат.).

ОТДѢЛЪ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЙ:

- Митрополитъ Антоній (Храповицкій). „СЛОВАРЬ КЪ ТВОРЕНІЯМЪ ДОСТОЕВСКАГО“. (Печат.).
- С. Булгаковъ. „НА ПИРУ БОГОВЪ“. (Пост. въ продажу).
- Кн. Н. С. Трубецкой. „ЕВРОПА И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО“. (Пост. въ продажу).

ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ:

- Эренбургъ. „ЛИКЪ ВОЙНЫ“ (Во Франціи). (Пост. въ продажу).
- Ал. Блокъ. „ДВѢНАДЦАТЬ“, съ предисловіемъ П. Сувчинскаго (пост. въ продажу).
- Ю. Никольскій. „ТУРГЕНЕВЪ и ДОСТОЕВСКІЙ“ (Исторія одной вражды). (Пост. въ продажу).
- Г. Д. Уэлльсъ. „РОССІЯ ВО МГЛѢ“. Переводъ съ англійскаго съ предисловіемъ Кн. Н. С. Трубецкаго. (Пост. въ продажу).

ОТДѢЛЪ ЭКОНОМИЧЕСКІЙ:

- Гербертъ Кэссонъ. „16 АКСІОМЪ ДѢЛОВОГО ЧЕЛОВѢКА“. (Пост. въ продажу).

Софія, Софійскій Банкъ. Тел. адресъ: Софія, Рубокнига

**University of Toronto
Library**

**DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET**

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

